ОГОНЕК
8

Хорошо ли вас обслуживают?

см. стр. 1, 2, 3

КАЛЕНДАРЬ «ОГОНЬКА»

МАРТ

Год назад части Красной Армии взяли штурмом опоясанную мощным кольцом укреплений твердыню белофиннов — город Выборг. Этой победой Красная Армия вновь показала свою силу и мощь и обеспечила безопасность наших северозападных границ.

На снимке: Выборгская крепость.

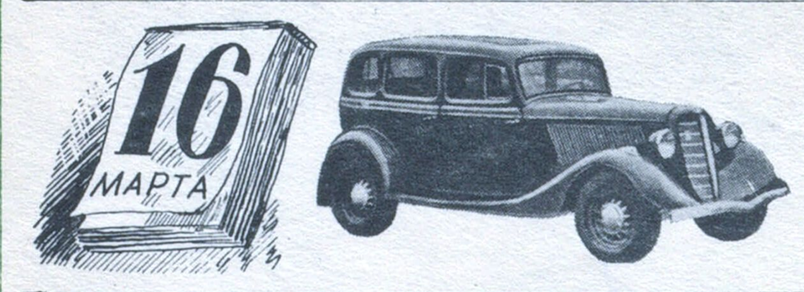

Пятнадцать лет назад умер писатель Дмитрий Фурманов, один из прекраснейших людей, созданных нашей эпохой. Фурманов вырос как революционный писатель в боевой обстановке фронта, в огне гражданской войны.

Его произведения «Мятеж» и «Чапаев», широко известные нашему читателю,— повесть о беспримерном мужестве и героизме советского народа, защищавшего советскую власть и свою родину от белогвардейцев и интервентов.

На снимке: Д. Фурманов.

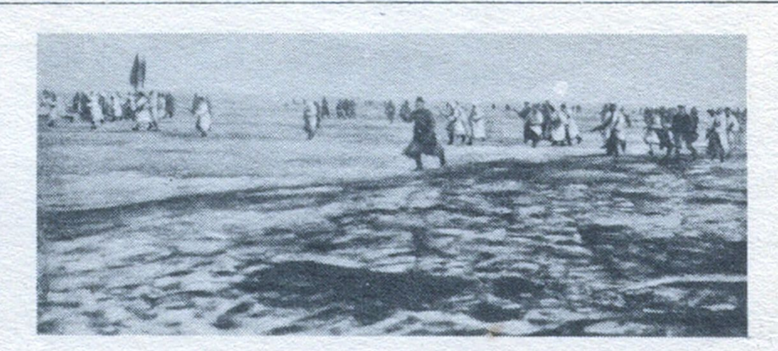

Пять лет назад с конвейера Горьковского автозавода имени Молотова сошла первая машина марки «М-1». Сменив скромный «газик», честно служивший первые годы пятилеток, эта элегантная и выносливая машина стала неотъемлемой частью советского быта. С юбилейной датой советского автомобилестроения совпадает другая дата, касающаяся автомобилестроения мирового. Сто шестьдесят лет отделяют их друг от друга. В 1781 году инженер Мурдок сконструировал прототип автомобиля — первый самодвижущийся экипаж, снабженный паровой машиной.

Двадцать лет назад приступом красных войск, перешедших по льду Финский залив, была взята Кронштадтская крепость и ликвидирован кронштадтский мятеж. Мятеж этот, поднятый среди матросов нового пополнения, заменивших настоящих балтийцев, которые ушли на фронты гражданской войны, был организован белогвардейцами, связанными с меньшевиками, эсерами и представителями иностранных государств. Во главе с товарищем Ворошиловым и делегатами X съезда курсанты и красноармейцы подавили мятеж.

На снимке: наступление частей Южной группы по льду на Кронштадт. 1921 год.

70 лет назад в Париже была свергнута власть буржуазии и установлена впервые в истории пролетарская диктатура, началась героическая эпопея Парижской коммуны.

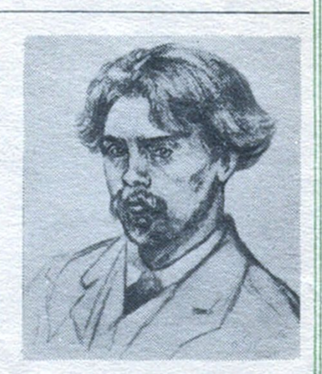
Тридцать пять лет назад на пустынном острове Березани были расстреляны руководитель революционного восстания в Черноморском флоте лейтенант Петр Петрович Шмидт и его сподвижники: старший баталер Частник, комендор Антоненко, механик 2-й статьи Гладков. О подавлении восстания на «Очакове» Владимир Ильич писал: «Едва ли есть основание ликовать победителям под Севастополем. Восстание Крыма побеждено. Восстание России непобедимо».

На снимке: лейтенант Шмидт.

Двадцать пять лет тому назад в Москве умер великий русский художник Василий Иванович Суриков. Суриков — мастер исторической трагедии в живописи. Основная тема его творчества—русский народ, народ героический, народ гениальный, народ революционный. В истории Сурикова ищет моменты подвига, моменты наивысшего напряжения сил народа. Лучшие картины Сурикова — «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», «Покорение Сибири», «Переход Суворова через Альпы в 1799 году», «Взятие

снежного городка» и ряд портретов. Задуманные им картины «Пугачев» и «Красноярский бунт» не могли быть осуществлены в те годы, когда жил и работал Суриков.

НА ОБЛОЖКЕ: один из лучших магазинов столицы „Гастроном №2" на Смоленской площади. На фото: стахановцы магазина (слева направо): главный администратор Е. С. Савицкая; заведующий молочно-гастрономическим отделом В. М. Курятников; продавец молочно-гастрономического отдела В. Д. Порожняков; продавщица кондитерского отдела М. Д. Рязанцева; кассирша К. И. Волкова; уборщица М. С. Марикова.

Фотомонтаж С. Фридлянда и Б. Рябинина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

19-й ГОД ИЗДАНИЯ

ОГОНЕК

Выходит три раза в месяц

№ 8 (731)

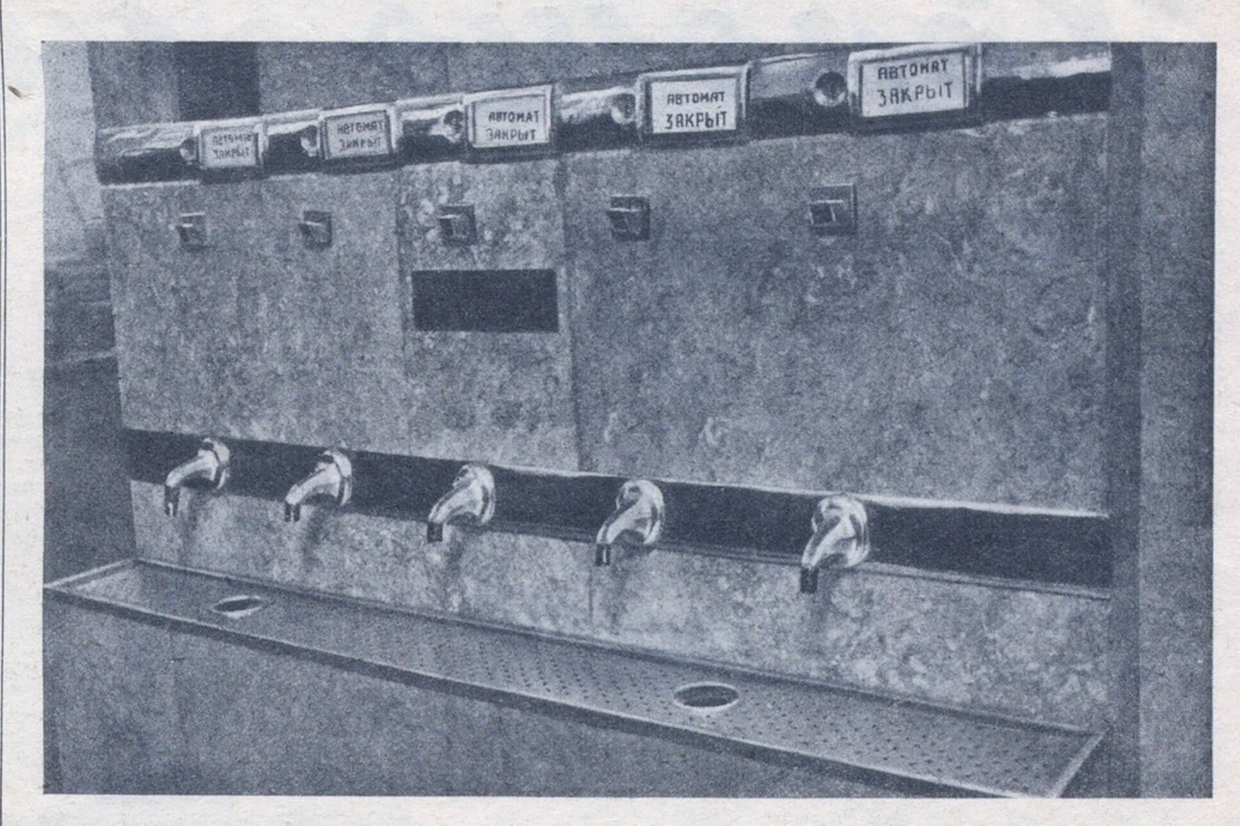
Суббота, 15 марта 1941 года

В НОМЕРЕ:

Вышли очередные книжки библиотеки «Огонек».

ХОРОШО ЛИ ВАС ОБСЛУЖИВАЮТ?

Перед вами, товарищи, чрезвычайно поучительная фотография—пять мраморных автоматов с пятью сверкающими кранами и пятью сверкающими надписями:

1. АВТОМАТ ЗАКРЫТ.
2. АВТОМАТ ЗАКРЫТ.
3. АВТОМАТ ЗАКРЫТ.
4. АВТОМАТ ЗАКРЫТ.
5. АВТОМАТ ЗАКРЫТ.

Этот снимок сделан фотокорреспондентом «Огонька» в кафетерии-автомате (Москва, Новая площадь, № 2/6). На стр. 3 читатель сможет более подробно ознакомиться с деятельностью этой могучей торговой точки.

Этот, с позволения сказать, автоматизированный кафетерий — блестящий образец того, как **не надо** работать, как **не надо** обслуживать народ.

Иногда считают, что обслуживание — штука хотя и нужная, но не такая уж важная, что дело это — третьестепенное, некий довесок к деятельности наших учреждений и предприятий. Между тем хорошо налаженное обслуживание имеет первостепенное государственное значение. Хорошее обслуживание — это одно из ярчайших выражений культуры. А без культуры нельзя построить коммунизма.

Обслуживание — понятие гораздо более широкое, чем это принято думать. В капиталистическом обществе вся система обслуживания является средством обогащения господствующих классов. У нас, в социалистическом обществе, обслуживание выражает новые взаимоотношения людей и основная задача его — удовлетворять возрастающие потребности народа.

Было бы неправильно считать, что обслуживание ограничивается быстро и вежливо выданной справкой или пришиванием пуговиц в так называемых американках. Конечно, справки и американки — это тоже частица обслуживания. Но идея обслуживания, первоклассного социалистического обслуживания, неизмеримо шире и глубже.

Нарком, принимающий посетителей, обслуживает их так же, как проводник вагона обслуживает пассажиров, официант — посетителей ресторана, дежурный врач в амбулатории — больных, библиотекарь — читателей или парикмахер — клиентов. Шоферы, портные, директора гостиниц и кафе, капельдинеры, секретари в приемной, телефонистки, почтальоны, дворники, сиделки, милиционеры, начальники железных дорог, артисты, кондуктора троллейбусов, продавцы в магазинах, прокуроры, кассиры, журналисты и еще десятки людей самых разнообразных профессий — все это люди, занимающиеся почетным делом—обслуживанием народа. И от того, как они выполняют эту задачу, во многом зависит бесперебойная и точная работа государственного механизма.

Что такое хорошее обслуживание?

Это точность, вежливость, уменье держать слово, понимание ценности чужого времени, производственная гордость за марку своей железной дороги, своей гостиницы, своего ресторана, своего почтового отделения и так далее и тому подобное.

Что собою представляет плохое обслуживание?

Это — равнодушие («все равно слопают»), это грубость, это грязь, это неряшливость. Это холодный чай без ложечки, но с сахаром, положенным в стакан по вкусу заведующего буфетом. Это — бесконечное ожидание в приемной. Это плакат «Продавцы и покупатели будьте взаимно вежливы», вместо того чтобы просто уважать покупателя. Это плакат «Уважайте труд уборщиц» в грязном, проплеванном коридоре. **Это плакаты вместо дела.** Это — всестороннее свинство по отношению к человеку—гражданину социалистического общества.

Хорошо ли я обслуживаю людей?

Над этим должен задуматься каждый.

У нас есть много энтузиастов, стахановцев обслуживания. Но есть и нерадивые, никчемные болтуны, которые способны загубить любое хорошее дело.

Теперь переверните страницу.

Хорошо ли вас

Инструктор 2-го троллейбусного парка Б. А. Рыбчевский инструктирует кондуктора Л. И. Якунину перед выездом на линию.

Фото С. Фридлянда

Советский кондуктор

Первое время поведение кондуктора вызвало скептическое, порой даже насмешливое к себе отношение со стороны пассажиров. Они не привыкли к такому обращению. Они как-то проще чувствовали бы себя, будь на месте кондуктора хмурый, молчаливый дядя, открывающий рот только для того, чтобы рявкнуть на зазевавшуюся в проходе старушку и спугнуть с подножки последнего в очереди пассажира.

Этот же кондуктор принимал пассажиров, как лучших своих друзей:

— Не торопитесь, граждане, не горячитесь! Всех возьму, без вас не уеду. Проходите, пожалуйста, вперед, занимайте свободные места. Не беспокойтесь о билетах: я к вам подойду. Даю отправление. Следующая остановка — Колхозная площадь. Кому нужно попасть к Курскому вокзалу, может пересесть здесь на троллейбус «Б», остановка на той стороне площади, по правую руку. В сторону площади Маяковского остановка по левую руку, за углом, сразу за кинотеатром «Хроника». Приготовьтесь к выходу, приближаемся к остановке. По выходе из вагона обращайте внимание на сигналы светофоров, движение на перекрестке оживленное.

Пассажиры притихли в удивлении. Назревавшие, как обычно, склоки угасали, не успев разгореться: всеобщим вниманием завладел любезный кондуктор. Он внушил всем дух миролюбия, взаимного уважения и крайней предупредительности. Скептики бормотали:

— Чудит человек. Просто в хорошем настроении. Надолго его не хватит.

Однако всем своим поведением и главным образом стремлением стоически перенести иронические замечания скептиков кондуктор давал понять, что дело не в хорошем или плохом настроении, а в системе, которую он избрал для лучшего обслуживания своих пассажиров.

На перегоне от Кузнецкого моста к Неглинной кондуктор не преминул сообщить о том, что на следующей остановке могут сойти пассажиры, которым нужно попасть в Центральный универмаг Мосторга, или в Наркомат среднего машиностроения, или в Художественный театр.

Я не удержался и написал о любезном кондукторе маленькую заметку в «Известия». Читатели откликнулись восторженными письмами. Кондуктор — его фамилия Рыбчевский — всем очень понравился. В его лице приветствовали представителя новой, советской культуры обслуживания. Месяца три после этого я не был в Москве. Какова же была моя радость, когда в одном из троллейбусов я услышал знакомое:

— Граждане, приготовьтесь, следующая остановка — Колхозная площадь. Здесь можно пересесть на троллейбусы и автобусы, направляющиеся к Курскому вокзалу, а в другом направлении — к Крымской площади. Поблизости расположен кинотеатр «Форум», идет картина «Салават Юлаев».

— Товарищ Рыбчевский? — спросил я кондуктора, как старого знакомого.

— Нет, гражданин. Товарищ Рыбчевский стал теперь нашим инструктором.

Я был совершенно удовлетворен. Любезность Рыбчевского выдержала все испытания и во 2-м троллейбусном парке нашла новых сторонников и подражателей. Привет товарищу Рыбчевскому и его товарищам по работе!

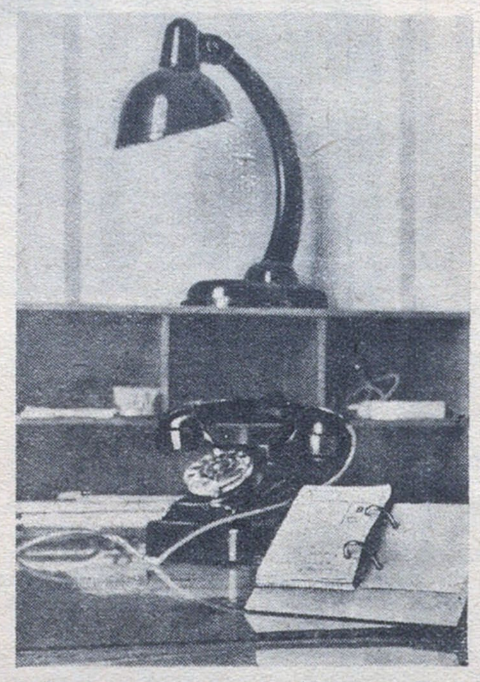
Е. КРИГЕР

Приключения в гостинице

Еще на вокзале нам объявили:

— Лучшая гостиница в городе — это «Тбилиси».

И мы направились в «Тбилиси». И впрямь, дом, сверкающий белизной на проспекте Руставели, великолепен. Две двери вели в гостиницу. Но одна из них,

Лампа не горит, телефон не работает, календарь прошлого года.

— А почему чай без ложечки?
— Зачем ложечка, сахар уже положен.

Фото В. Джейранова

та, на которой было написано «Вход», была почему-то закрыта.

Как же войти?

Открывалась другая дверь, на которой золотые буквы вещали: «Нет хода».

В этом состояло первое, но не самое главное приключение в гостинице.

Открывалась только одна дверь, та, на которой золотые буквы вещали: «Нет хода».

Фойэ, холл, лестницы отделаны с большим вкусом. Всюду новая удобная мебель, мрамор, ковры. Приятно пожить в такой обстановке. В приподнятом настроении мы подошли к дверям отведенного нам номера (409). Ах, эти двери! Они ни за что не хотели открыться. Не знаю, сколько мы тут стояли бы в полной растерянности, если бы нас не выручил дежурный администратор: он открыл упрямую дверь при помощи самой обычной головной шпильки.

На радостях мы захотели немедленно принять ванну.

— Горячей воды нет, — сказал администратор, разгадавший, видимо, наше желание.

Вечером нас перевели в номер «люкс». На чудесном столе из полированного ореха стоял телефонный аппарат. Он звонил басисто и длинно, но пользоваться им было невозможно. На третий день мы узнали, что номера телефона и комнаты, в которой он стоит, не совпадают.

Рядом с телефоном красовались и другие необходимые атрибуты культуры: календарь, который заканчивался страничкой «9 июля 1940 года», и лампа, в которой, видимо по традиции, не было лампочки.

Строители гостиницы предусмотрели решительно все, чтобы будущим жильцам было удобно тут жить. Но администрация установила свои порядки. В каждом номере, например, имеются отдельные кнопки для вызова горничной, официанта, коридорного. Но какую бы кнопку ни нажимать, через 10—15 минут явится только горничная, которая с некоторым недоумением и даже удивлением спросит, и в голосе будет звучать упрек:

— Вы звонили?

Узнав, что это вы действительно звонили, она удаляется. И спустя еще двадцать минут появляется официант.

Об официантах стоит сказать особо. Одного из них, Ивана Гугушвили, мы засняли. В момент съемки выяснилось, что официант Гугушвили совершенно не жаждет славы: подает он долго, приносит немытые тарелки, вилки.

В позапрошлом году, вскоре после открытия гостиницы «Тбилиси», «Правда» писала о том, что там безобразно плохо обслуживают клиентов. Но, кроме бумажных отписок и кратковременной шумихи, администрация гостиницы и администрация этой администрации ничем не отозвались на справедливую критику. Как видит читатель, в новой гостинице все осталось по-старому.

В. РАФАЛОВИЧ

г. Тбилиси.

обслуживают?

Интервью с шофером

Темносиний кузов, красные колеса — «ММ 01-76». Сотни москвичей знают эту машину, знают и ее водителя — Павла Николаевича Розанова.

Машина блестит, в кабине чистота, приятно тикают часы. Свежие занавески на окнах, старательно вычищен коврик, ни пылинки на матовом фонарике под потолком.

За десять лет работы на трассах столицы у водителя этой машины не было ни одной аварии, ни одной вынужденной остановки. Почетное звание «мастер-водитель» выгравировано на его часах—подарке транспортного управления Моссовета.

— Что вы придумали для удобства пассажиров?

— В пассажирской кабине у меня висят часы. Они выверены по кремлевским курантам.

— Вам часто приходится возить приезжих, не озадачивают ли они вас иногда своими вопросами?

— Меня трудно застать врасплох. Я имею план столицы, толковый справочник «Москва», очень полезную книжку «Осмотр столицы», расписание поездов.

Мы попрощались.

— Пожалуйста, добавьте, — сказал он уже отъезжая,— что я не один, что ряды наших культурных водителей такси растут. Это мой напарник Василий Громов, мои товарищи Оленин и Чалов, ученики стахановской школы при нашем парке.

В. ПАВЛОВИЧ

Бюро заказов Гастронома № 2. Справа: заведующий бюро Ф. М. Шеляков.

Фото С. Фридлянда и Б. Рябинина

Пятнадцать минут

В утренние часы «пик» в магазин Гастронома № 2 в Москве торопливо вошел озабоченный молодой человек. Деловой распорядок его дня, очевидно, не позволял ему переходить из отдела в отдел и задерживаться у касс для закупки необходимых продуктов. Обслуживание такого рода покупателей выполняет бюро заказов.

Ровно в 11 часов 40 минут тов. Никифоров сдал свой заказ. С часами в руках мы чувствовали себя в роли судей на соревновании. И подлинно быстрая и четкая работа маленького коллектива бюро заказов была прекрасным соревнованием в высокой культуре бытового обслуживания. Приемщица А. Чаплина за две минуты заполнила бланк срочного заказа № 2/58. Еще через две минуты заказ прошел через руки лучшей стахановки бюро диспетчера Е. Линда. К 11 часам 50 минутам контролер-упаковщик Т. Будаева закончила сбор и упаковку продуктов. Ровно в 11 часов 55 минут покупатель Никифоров получил свой заказ, аккуратно упакованный и удобно обвязанный бичевкой. Пятнадцать минут ожидания он провел в уютно обставленной, украшенной цветами комнате бюро заказов.

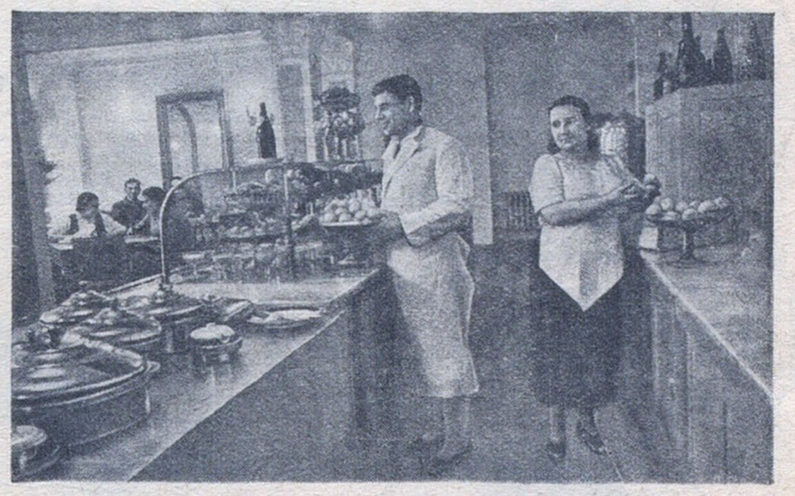
В оформлении и выдаче следующего срочного заказа этот рекорд был побит: тов. Атласова получила свой заказ в течение 10 минут.

Иногда покупатели задерживаются по собственной инициативе. И тогда в книге заявлений появляется очередная и однотипная по смыслу запись: «Считаю своим приятным долгом отметить исключительно внимательное и предупредительное отношение, которое мне пришлось встретить в бюро заказов».

Мы спросили заведующего бюро заказов тов. Шелякова: «Какими методами вы достигаете такой образцовой работы, в чем секрет?» Ответил он нам так: «У нас нет никаких особенных методов и, тем более, секретных. Мы любим наше дело, и поэтому знаем его, и выполняем его как можно лучше. А это доступно каждому».

И мы с ним согласны.

С. ФРИДЛЯНД

Светло, чисто. Обильная вкусная пища. Это кафетерий № 19. У прилавка — шеф-повар Евгений Борода.

Два кафетерия

В жизни Евгения Бороды — борца-перворазрядника и альпиниста—был такой случай. Лагерь альпинистов расположился на Домбайской поляне, что в Карачаеве. Лагерный повар не считал для себя возможным посвящать свое рабочее время еде, так как круглые сутки был занят дегустацией спиртных напитков.

Пьяницу выгнали, и тов. Борода, альпинист общества «Крылья Советов», повар по профессии, начал сам обслуживать своих товарищей. Он возвратился в Москву, имея в активе 5 восхождений и благодарность и денежную премию за работу на кухне.

Сейчас Борода заведует производством кафетерия № 19 Московского треста кафе. Этот кафетерий недавно открылся в корпусе «Б» на улице Горького и успел завербовать себе твердую и постоянную клиентуру. Повара, буфетчики и обслуживающий персонал кафетерия № 19 всегда заботятся о посетителях. Все в этом чистом небольшом зале рассчитано на то, чтобы клиент мог быстро, хорошо и дешево поесть.

На Новой площади № 2/6 в Москве есть другой кафетерий. «Автомат» — как назвал этот кафетерий его владелец Московский трест ресторанов — оборудован превосходно. Здесь даже бутерброды продает машина. Автоматы точно отмеривают пиво, газированные воды, вино, они же торгуют пирожными, булочками, варят кофе.

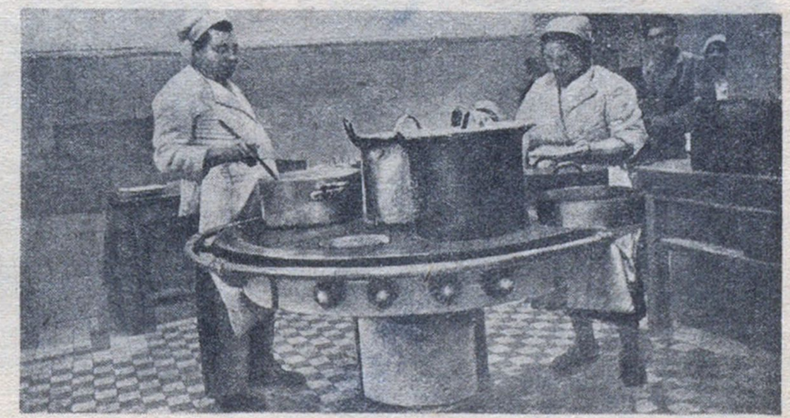
Но вот чудесные аппараты почти не используются. В электрический кипятильник кофе наливают... из обычного цинкового ведра! Автоматы, которые должны торговать пятью сортами газированной воды, часто бездействуют. Все «пивные» автоматы отпускают одно и то же «жигулевское».

В этом кафетерии грязно, толчея, очереди.

Здесь не используют технику и мало заботятся о потребителе, плохо его обслуживают. В здешнем меню всего 2—3 горячих блюда. В день, когда фотограф «Огонька» заснял бездействующие автоматы, кафетерий был запружен очередями к буфетам. Единственным горячим блюдом, предложенным в тот день посетителям, был гуляш.

Нерадивые хозяева из Треста ресторанов превратили великолепно оборудованную закусочную в третьеразрядную пивнушку.

В. АЛЕКСАНДРОВ

«Автомат» имеет первоклассные электроплиты, но готовит на них удивительно невкусные блюда.

Фото Е. Микулиной

Михаил Петрович Кирпонос. Постановлением СНК СССР от 22/II тов. Кирпоносу присвоено звание генерал-полковника.

Федор Исидорович Кузнецов. Постановлением СНК СССР от 22 февраля тов. Кузнецову присвоено звание генерал-полковника.

Яков Тимофеевич Черевиченко. Постановлением СНК СССР от 22 февраля тов. Черевиченко присвоено звание генерал-полковника.

Николай Дмитриевич Яковлев. Постановлением СНК СССР от 22/II тов. Яковлеву присвоено звание генерал-полковника артиллерии.

Александр Иванович Запорожец. Постановлением СНК СССР тов. Запорожцу присвоено звание армейского комиссара 1-го ранга.

Иосиф Родионович Апанасенко. Постановлением СНК СССР от 22 февраля тов. Апанасенко присвоено звание генерала армии.

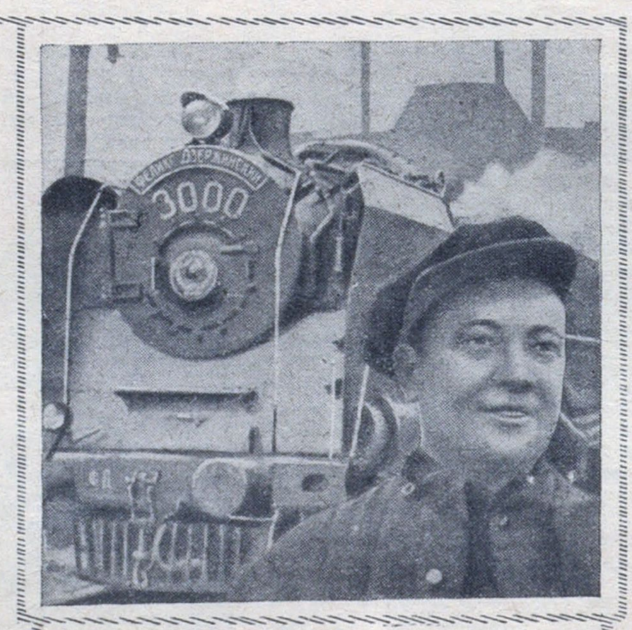
VIII сессия Верховного Совета СССР утвердила государственный бюджет СССР на 1941 год. С докладом о государственном бюджете выступил народный комиссар финансов СССР Арсений Григорьевич Зверев.

Дмитрий Григорьевич Павлов. Постановлением СНК СССР от 22 февраля тов. Павлову присвоено звание генерала армии.

Григорий Афанасьевич Соловов — машинист-орденоносец паровых турбин Кизеловской ГРЭС (Молотовская область). Тов. Соловову присвоено звание лучшего машиниста Наркомата электростанций Союза ССР.

Николай Александрович Лунин, машинист Томской железной дороги, у трехтысячного паровоза серии «ФД», выпущенного Ворошиловградским паровозостроительным заводом. Этот паровоз передан Н. А. Лунину.

Илья Викентьевич Янушкевич—главный кондуктор пассажирских поездов станции Минск, Западной железной дороги. Работает на железнодорожном транспорте 46 лет. В 1940 году получил наркомовскую премию.

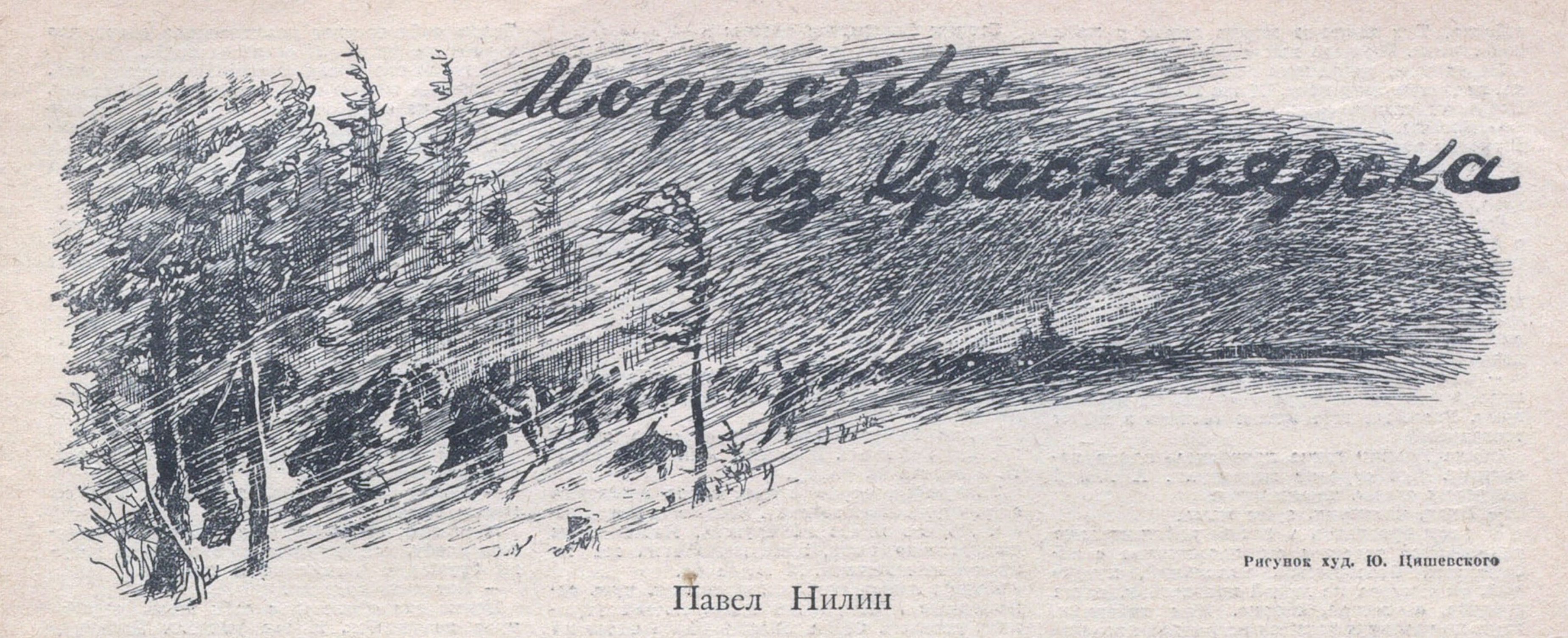

Рисунок худ. Ю. Цишевского

Модистка из Красноярска

Павел Нилин

РАССКАЗ

Между Буером и Ревякой тайга не такая уж широкая. Но все-таки зимой пришлось пробираться через нее суток пять. Люди истомились, изорвались, изголодались. И когда на пятые сутки ветер принес из деревни запах домашнего дыма, многие уже не могли идти.

А некоторые пошли быстрее. Выбиваясь из последних сил, они яростно ломали ветки, заграждавшие путь, до крови раздирали о сучья руки и лица, карабкались на горы валежника, падали в глубокий снег и снова карабкались.

Запах домашнего дыма горячил сердце.

Лес постепенно редел. Попадались свежеспиленные лиственницы, обуглившиеся пни. И, наконец, из-за деревьев выглянула нарядная церковь. Она, правда, выглянула на одно мгновение. Метель тотчас же заволокла ее и отняла у людей единственный ориентир.

Люди шли теперь навстречу метели, цепляясь друг за друга. Они шли так час, или два, или сорок минут, и вдруг перед ними выросла изба.

Может, это была последняя изба во всем свете. После неудачных боев, после тяжкого отступления через тайгу мир казался опустошенным, мертвым. И людям, вышедшим из тайги, хотелось только спать.

Ни у кого уже не было сил лезть на широкую, чуть теплую печь. Полез один Сёмка Галкин. Он забился в самый теплый угол. Остальные полегли на полу, где пришлось. Они будут спать теперь, наверно, неделю, месяц, год.

Но вот метель утихла, и внезапная тишина разбудила людей. Снова уснуть они уже не могли: в духоте разомлевшее тело стало ныть и зудеть.

Им бы в баню сейчас хорошо. У сибиряков баня — первое средство от всех болезней, даже от тоски. Но где ее искать тут, баню?

Люди лежали в разных углах просторной избы и молчали. Не хотелось ни говорить, ни думать. И спать не хотелось.

Надвигалась ночь.

На печке зашевелился Сёмка Галкин. Он чесался, вздыхал. Потом неожиданно громко чихнул и сказал сам себе:

— Будьте здоровы, Семен Терентьич. Двести бы тысяч вам на мелкие расходы. Царскими деньгами...

И по-стариковски солидно кряхтя, слез с печки. В избе попрежнему было темно и тихо. Сёмка лениво потянулся, сладко зевнул и сказал, вздыхая:

— Н-да... Правильно говорится в песне: «Судьба играет человеком, она изменчива всегда, то вознесет его высоко, то бросит в бездну навсегда».

Никто не отозвался.

Осторожно шагая через людей, Сёмка пробрался на середину избы, нашарил на столе лампу, зажег ее и, сев на табуретку, стащил с себя рубаху. Лампа слабо горела. Сёмка подкручивал фитиль и все ближе придвигался к лампе, стараясь собрать в свою рубаху весь ее бедный свет.

— Застишь! — наконец кто-то крикнул ему.

Сёмка вздрогнул и оглянулся. Около него, неслышно придвинувшись, уже сидел, также сняв рубаху, старик Захарычев. Он ворчал:

— Ты что ж, кобель рыжий, думаешь: для тебя, что ли, одного лампа поставлена?

— Я ничего не думаю, — сказал Сёмка, не обидевшись. — Я только удивляюсь: неужели ж она сейчас потухнет?

И он показал на лампу. Но старик Захарычев, занятый своим делом, промолчал. И все остальные, собравшиеся теперь вокруг лампы, тоже промолчали. Сёмка Галкин вздохнул. Потом, ни к кому не обращаясь, он совсем некстати сказал:

— Мамаша моя, Прасковья Федоровна Галкина, живет в Иркутске, на Шалашниковской улице. Ежели кто поедет в наш город, могу дать точный адрес.

Все, наверно, оставили где-нибудь мамашу, жену или отца. Но Сёмка Галкин говорил о своей матери, как о чем-то наредкость выдающемся. Он тут же вспомнил вслух, какие она делала пельмени, какие шаньги пекла. И эти пельмени и шаньги неожиданно обидели людей.

Бывалые солдаты знают, что на войне самое страшное — пожалуй не стрельба, не бой, а именно воспоминания. Они приходят всегда неожиданно в часы досуга, в особый час солдатского раздумья. И порой они способны обезоружить хоть кого.

А Сёмка Галкин все вспоминал и вспоминал, бередя душу. Он говорил, что в Иркутске сейчас, наверно, картины показывают в иллюзионе Донателло или Ягжоглу на Большой улице. В цирке Изако, наверно, еще борются сейчас Иван Яго с японцем Саракики. Интересно: кто кого? И вообще интересно: как сейчас в Иркутске? У Сёмки Галкина там есть, между прочим, девушка Вера Тарабыкина с конфетной фабрики.

Но ведь у всех есть девушки. Или были. И все бойцы сидят сейчас мрачные вокруг угасающей лампы. Все делают вид, что не слушают Сёмку Галкина. Но слова его беспокоят всех.

Наконец, он уходит от лампы. Залезает на холодную печку и сидит там один. Может быть, он продолжает думать об Иркутске.

Долго его не слышно. В избе становится еще тише. В лампе догорает последний керосин. Лампа тихо потрескивает. И вдруг Сёмка Галкин, опять ни к кому не обращаясь, говорит:

— Потухнет скоро лампа.

Над этим, наверное, многие уже думали. Но никто не решался это сказать. Сёмка сказал. И от слов его стало еще тоскливее.

В самом деле, как быть, если потухнет лампа? Но об этом не хочется думать. А Сёмка Галкин опять говорит:

— Сейчас потухнет. Я же вижу.

— Не каркай, шелопай, — строго говорит ему старик Захарычев. — Она погорит еще, бог даст.

И всех успокаивает эта надежда на бога, в которого они давно уже не верят.

Выйти бы на улицу, поискать чего-нибудь насчет еды. Давно не ели. Но все сидят голые, и никто не собирается на улицу. А Сёмка Галкин, одетый, лежит на печке и опять говорит, ни к кому не обращаясь:

— У меня судорога правой ноги. Мне понастоящему-то полный отдых надо дать. Всему телу.

И каждому понятно, куда гнет Сёмка Галкин. Скоро, наверно, будут менять караулы, и от них, наверно, тоже кого-нибудь пошлют. Ведь у них есть командир. Он, может быть, сидит в соседней избе и думает, кого бы еще послать в караул. Их командир Сорокин не забудет о них. Он их обязательно найдет.

Никому не хотелось идти в ночное охранение. И действительно, какие уж они теперь бойцы: одежонка у них рваная, валенки разбитые, тело истомленное, не по-солдатски тяжелое. Им бы домой сейчас...

Вдруг на крыльце застучали чьи-то мерзлые валенки. Кто-то хозяйственно счищал с них снег и при этом яростно притаптывал, сотрясая крыльцо. Ни у кого не было сомнения, что это идет их командир Сорокин.

Все настороженно притихли.

Но вот дверь скрипнула, и из морозного облака, ворвавшегося в дверь, вышли на свет угасающей лампы две фигуры: старичок и юноша. Все узнали Авдея Петровича Икринцева и его племянника — Ванюшку Ляйтишева.

— Это чего такое? — спросил Авдей Петрович, забыв, должно быть, поздороваться, и строго посмотрел на всех. — Дезертиры, что ли?

Потом он подошел поближе, увидел знакомых и заговорил веселее. Он спрашивал, почему они так тихо сидят, почему их в деревне не видно, почему у них печка холодная.

В голосе его проскальзывали чуть заметные начальнические нотки, хотя начальником он никогда не был. Он был таким же, как все, рядовым, и так же, как все, совершал отступление через тайгу. Но одежда его: полушубок, и шапка, и валенки — была так же исправна, как и десять дней назад. И молодцеватый вид его внушал уважение. Даже больше того. Все почему-то почувствовали себя немножко виноватыми перед ним — таким крепким, самостоятельным стариком. Все стали поспешно одеваться.

А Авдей Петрович уже откровенно командовал. Пощупав печку, он сказал, что ее сейчас же надо топить. Надо хворост пойти

собрать. Тут какие-то жерди лежат у избы под снегом. Их надо вытащить из-под снега.

Перед ним, удивленно глядя на него, стоял, подогнув одну ногу, Сёмка Галкин. Авдей Петрович сказал ему:

— Вот ты, орел, чего стоишь? Сходил бы, хворосту принес...

— У меня,— сказал Сёмка Галкин, растягивая слова,— у меня, понимаешь ли, какое дело, судорога правой ноги.

Он сказал это как бы с сожалением, но и с оттенком гордости и высокомерно посмотрел на всех, кто еще не успел одеться.

И тут из темноты вышел к лампе, расстегивая полушубок, Ванюшка Ляйтишев, племянник Авдея Петровича. Он смешливо посмотрел на Сёмку Галкина и сказал обеспокоенно:

— Так чего ж ты тут стоишь? Тебе ж немедленно надо на курорт ехать, на кислые воды. Разве же тебе можно воевать в таком состоянии?

Сёмка Галкин густо покраснел, поняв насмешку. Все отрадно хохотнули. А Авдей Петрович сказал племяннику:

— Будя, кабанчик, зубы мыть.

И всем бросилось в глаза действительно разительное сходство его племянника с кабанчиком. Белобрысый, маленький, курносый, он смотрел на людей исподлобья, но не сердито, а весело, озорно. Как кабанчик, опустив голову и бодливо встряхивая волосами, он прошел среди табуреток и, опять обращаясь к Сёмке Галкину, сказал:

— У нас, в Иркутске, может, ты слышал, жил такой царский генерал Хрубилов. У него вот такая же, как у тебя, болезнь была: он ходил вот эдак...

И Ванюшка ловко изобразил, как передвигался генерал на развинченных ножках. Все смеялись. Причем похоже было, что смеются не над генералом, а над Сёмкой Галкиным. Ванюшка же все подливал масло в огонь.

— Будя!— уже строго крикнул на племянника Авдей Петрович.— Зачем ты человека позоришь? — и спросил Сёмку: — А ты чего, молодой человек, правда, ходить не можешь?

— Да ну вас,— сказал Сёмка.

И вышел на улицу в одной рубахе.

Минут через пять он принес охапку хвороста и сердито бросил ее у печки. Потом другие пошли за хворостом. И скоро у печки выросла гора дров.

Авдей Петрович растопил плиту, послал племянника за водой и пошел на вторую половину избы к хозяевам спросить, нет ли у них посудины какой-нибудь чай вскипятить. Хозяева сидели на своей половине, как куры, нахохлившись. Их испугал шум передвижения войска, и они делали вид, что спят. Неизвестно ведь, что за люди вошли в деревню. Уж лучше подождать, помолчать.

Авдей Петрович разговорился с хозяевами. Они подивились, что такой старик тоже воюет, спросили, за что он воюет, опять подивились. И в конце концов хозяйка вынесла бойцам медвежий окорок, две буханки хлеба и полмешка картошки.

Авдей Петрович все это порезал, поделил. Уселся среди бойцов во главе стола, как председатель. И вот теперь, когда он скинул полушубок и расстегнул ремень на рубашке, стало заметно, что он совсем старичок, что ему лет, может быть, сто. Убеждают в этом особенно голубые его глаза — небольшие, но необыкновенно глубокие, с запрятанным где-то на самом дне озорным огоньком. Повидали, наверно, эти глаза на своем веку с чортову бездну всяких штук. И сейчас, когда он останавливает их на ком-нибудь, кажется, что он знает про этого человека всё и хочет только узнать еще какую-то пустячную мелочь.

Никто не выдерживает долго его взгляда. Все или отворачиваются или опускают глаза. И всем почему-то неловко при этом, чего-то стыдно. Хотя он никого не осуждает. Он спокойно пьет из блюдечка жидкий морковный чай и говорит:

— Служил я верой и правдой трем государям. Был даже унтер-офицером кавалерийского его величества полка. Вот как. На конях ездил. Конный солдат, значит, был. А теперь — я пеший. Вот какое дело.

Выпив кружку чаю и наливая себе новую, он опять говорил:

— Зубы у меня, слава богу, целые. Ноги еще тоже ходют. Бог даст, и эту войну отвоюю.

Старик Захарычев сказал:

— Ноги — это, действительно, значение имеют. А зубы... Я, например, свои зубы на кондитерском товаре съел. Я кондитер бывший. И теперь у меня собственных зубов осталось девять штук. Но я об них не тужу. Зубы завсегда новые можно вставить. Допустим, золотые. Даже красивше.

И Захарычев улыбнулся. В длинном его рассуждении о зубах была скрыта легкая издевка над Авдеем Петровичем. Видимо, Захарычеву обидно было, что новый старичок не только завладел всеобщим вниманием, но и приобретает власть над людьми.

Захарычев хотел еще что-то сказать. Но Авдей Петрович даже не взглянул в его сторону. Он еще раз поправил фитиль лампы и сказал племяннику:

— Ты бы, кабанчик, сходил на деревню, попросил бы керосинчику. Может, у кого найдется.

Лампа на удивление все еще горела, но все хуже и хуже. Ванюшка Ляйтишев оделся и вышел на улицу.

Захарычев, скрыв обиду, снова заговорил о преимуществах золотых зубов над костяными. Но его никто не слушал. Наконец, он сам, должно быть, понял, что тема эта не ахти какая важная. И замолчал.

Вскоре лампа потухла. Впотьмах, чуть освещенные луной, люди снова сидели угрюмые, усталые. Сёмка Галкин снова залез на печку и, повозившись недолго, кажется, задремал. Старик Захарычев в углу стал тихо читать молитву, готовясь ко сну. Остальные продолжали сидеть за столом, хотя чай давно был допит. Сидели и молчали. Думали о чем-то, опять разобщенные, одинокие. Авдей Петрович сказал:

— У меня, ребята, есть книжка хорошая. Братья Гримм. Сказки. Я ее постоянно с собой ношу. Вот бы почитали сейчас.

Авдей Петрович вынул книжку из сумки. Она была акуратно завернута в клеенку. Он развернул ее. Но читать было невозможно. Темно. Авдей Петрович вздохнул. И за ним вздохнули все. И Сёмка Галкин вздохнул. И старик Захарычев. Хотя каждый вздохнул, может быть, по своему поводу.

В это время дверь тихо скрипнула, отворилась и в темноту опасливо вошла девушка, укутанная в шаль.

— Здравствуйте, солдатики,— сказала девушка голосом нежным и доверчивым.

Все еще больше затихли от неожиданности.

— Не солдатики,— наконец, сказал Сёмка Галкин с печки,— а товарищи военные.

— Ну, военные,— поправилась девушка и уселась на табуретку, которая была ближе к дверям.— Я к вам зашла на минутку. Может, вы мне чего присоветуете?

Человек пять сразу окружили девушку. Она сидела, не шевелясь и не раскутывая шаль.

— Я к брату сюда приехала. А брата нету. Он, говорят, к партизанам ушел. А я сама из города Красноярска приехала. Я там модисткой работаю. Ну, куда мне теперь деваться?

Девушка склонила голову, пошевелила шаль. Должно быть, утерла слезу. Суровые сердца дрогнули. Сёмка Галкин поспешно слез с печки.

Старик Захарычев сказал девушке:

— А ты тут оставайся. У нас. Погреешься.

— Боюсь я, товарищи военные,— жалобно сказала девушка.— Вдруг вы меня обескуражите.

— Ну уж, обескуражим,— сказал старик Захарычев.— Что мы, звери какие-нибудь, что ли?

И Авдей Петрович вмешался в разговор.

— Ты, девушка,— сказал он,— не опасайся. Мы ведь не японцы и не чехи: мы Красной Армии бойцы-партизаны. Разве мы можем себе такую глупость позволить?..

— Вы-то, вас видать, старичок,— ответила девушка.— Вас-то я нисколечко не боюсь. А вот эти, которые помоложе...

Авдей Петрович заметно обиделся, отошел к окну, замолчал.

Другие продолжали уговаривать девушку снять шаль, попить чаю. Но девушка была непреклонна.

Тогда Сёмка Галкин сказал:

— За всех я, конечно, не могу ручаться. Но за себя я ручаюсь. Лезь ко мне на печку. Я даю тебе честное политическое слово, что я тебя не трону. Я сознательный...

И горло его сжала спазма. Голос задрожал. Но девица только хихикнула. Сёмка Галкин, однако, не обиделся и не отошел от нее. Дрожа всем телом, он подошел к ней поближе и, чтобы никто не слышал, зашептал ей что-то на ухо. Девушка доверчиво наклонила к нему голову. Но и после его горячих признаний не сдвинулась с места.

В избе стало тихо, и как-то тревожно тихо. Мужчины сдержанно волновались. И в тишине, как выстрел, прозвучал плевок Авдея Петровича.

— Где же он, песий сын?— сказал Авдей Петрович про племянника и снова плюнул.— Глядите, как облепили девицу. Смотреть даже противно.

И отвернулся к окну.

Девушка попрежнему сидела на табуретке. Сёмка Галкин опять зашептал ей что-то на ухо.

Авдей Петрович встал, надел полушубок, стал подпоясываться:

— Пойду поищу его, поросенка. Где он может быть?

И только Авдей Петрович взялся за дверную скобу, как девушка вынула из-за пазухи бутыль с керосином и сказала:

— Вот вам, дядечка.

Потом она сбросила с себя шаль, распахнула полушубок. И все увидели Ванюшку Ляйтишева.

— Ах ты, подлая душа,— огорченно сказал Авдей Петрович.— Даже дядю родного не пожалел, охальник. Говорит, вы старичок, я вас не опасаюсь.

И не мог сдержаться — захохотал. Через мгновение, оправившись от неожиданности, захохотали все. Только Сёмка Галкин не знал, куда девать себя. Он снова полез на печку.

— А чего он говорил тебе на ухо?— спросил Ванюшку старик Захарычев, кивнув на Сёмку.

— Это секрет,— сказал Ванюшка.— Я чужих секретов не выдаю.

И этими словами хоть немножко примирил себя с Сёмкой. Отдышавшись на печке, Сёмка, наконец, тоже засмеялся, сказал:

— А мне подумалось, может, действительно модистка.

Авдей Петрович опять зажег лампу. В избе стало светло, просторно и весело. Общий смех как-то взбудоражил людей, освежил. А Ванюшка уже при свете прошелся по избе девичьей походкой и пропел девичьим голосом:

> «Эх, подружка моя,
> Что же ты наделала.
> Я любила, ты отбила,
> Я бы так не сделала».

При этом он помахивал над головой воображаемым платочком, смешно сгибал колени и обиженно вытягивал губы. Все снова смеялись. И дядя смеялся.

— Будя, кабанчик!—кричал он сквозь слезы.— Уморил, шучий сын.

А когда немного улеглось веселье, старик Захарычев, глядя на Ванюшку, сказал Авдею Петровичу:

— Артист.

— А что вы думаете?— не скрывая гордости, ответил Авдей Петрович.— Свободно может быть артистом. Ведь не все же артисты от бога приехали, некоторые и пешком пришли...

— Это совершенно верно,— подтвердил старик Захарычев.

После выступления Ванюшки Ляйтишева он неожиданно примирился с Авдеем Петровичем. Признал его преимущества: раз у него ко всему еще такой племянник. И старался теперь как-нибудь подладиться к ним обоим:

— Очень просто может даже знаменитым артистом стать. Если его учить по-настоящему. А почему же? Будет артистом, как, допустим, этот самый...

— Как Шаляпин, что ли?— спросил кто-то.

— Нет, зачем. Я другого хотел сказать. Этот... Ну, его еще на коробках конфетных рисовали. Ну, как же его?

Но фамилию этого артиста вспомнить так и не удалось. Началась стрельба. Зимнюю ночь осветили выстрелы. Луна упряталась в облака.

(Окончание на стр. 20)

Страницы прошлого

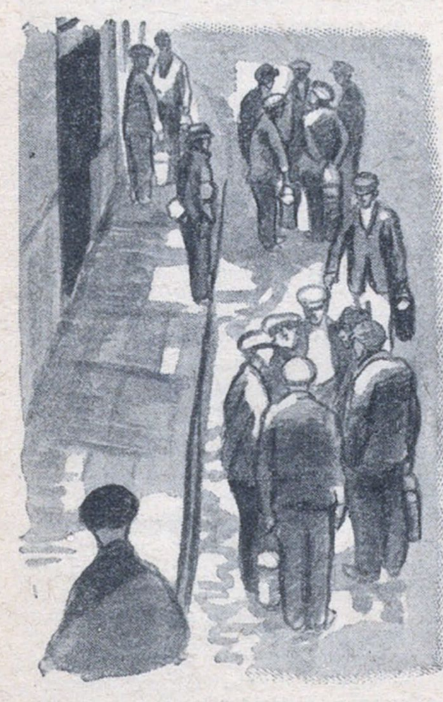
Ванда Василевская

Иллюстрации Л БРОДАТЫ

VII *

В одну из весен вспыхнула забастовка каменщиков. Она продолжалась только две недели: предприниматели заявили, что удовлетворят требования рабочих. Каменщики вышли на работу, но тут выяснилось, что предприниматели и не думают выполнять условия.

Забастовка вспыхнула снова и сразу приняла острый и бурный характер.

Прибывшие собирались группами...

Вечером на собрании рабочие решили требовать повышения расценок и заключения коллективного договора.

Назавтра уже не шевельнулась ни одна стройка.

Мы встали в тот день очень рано. Город только пробуждался. Я выглянула в окно: по улице из пригородных деревень и поселков шли рабочие с голубыми ведерками, с узелками подмышкой. Каменщики, кирпичники, строительные рабочие. Шли, как каждый день, ни о чем не подозревая. Но вот навстречу им выходил человек — кто-нибудь из наших хороших знакомых из актива каменщиков. Минутный разговор. Прибывшие собирались группами и шли вместе — уже не на работу, а на собрание.

Когда ранним утром мы шагали по направлению к дому, где помещался союз строительных рабочих, уже было заметно, что в городе что-то происходит. На стройках было пусто. Не сновали по лесам люди, не подъезжали возы с кирпичом, не хлюпала известь. Совсем, как в праздник. Прохожие останавливались:

— Что это?

— Должно быть, забастовка.

— Забастовка, забастовка! — подтверждали проходившие каменщики.

После собрания, в котором приняло участие несколько тысяч человек, бастующие разошлись по городу, чтобы проверить, не работает ли где-нибудь штрейкбрехер. Но остановилось все.

Предприниматели уперлись. Они знали, что каменщикам тяжело: несколько зимних месяцев они совсем не зарабатывали, а весной больше двух недель бастовали, — значит, долго не выдержат. Предприниматели решили выждать, не приступать к переговорам.

Дни проходили за днями. Утром — общее собрание, вечером — совещание сотников и десятников, следивших за ходом забастовки. Мой муж выступал по два раза в день. Весь свой энтузиазм, всю свою волю к борьбе он хотел передать бастующим. И это ему удавалось: каменщики держались твердо.

Проходили дни, недели. Уже все лавочки прекратили давать в кредит, голод заглядывал в дома. Люди ходили бледные, истощенные, но непримиримые, упорные. Не хотели уступать.

Союз выдавал из своих фондов хлеб для бастующих, но этого было мало. Голодали многочисленные семьи, голодали дети. На четвертой неделе забастовки уже были случаи обмороков от голода. Люди едва держались на ногах. Но все-таки не хотели уступить.

— Лучше умереть, чем продаться!

— Лучше умереть, чем уступить!

На четвертой неделе забастовки я пошла к председателю союза. Это был очень славный товарищ. Любимым его словом было «человече». Я сказала ему, что хочу организовать обеды для детей бастующих.

— Речи быть не может, человече. Откуда деньги? Едва хватает на выдачу хлеба. Речи быть не может.

— Я не прошу у союза денег. Я сама их постараюсь раздобыть.

— Речи быть не может, человече. Два—три дня вы будете выдавать обеды, а потом что? Прекратите — и из-за глупости у нас может сорваться забастовка. Мы не можем, человече, ослаблять помощи. Лучше не начинать.

Я заупрямилась:

— Нет, не два—три дня. До конца забастовки и в течение первой недели работы, до получки.

— Лучше умереть, чем уступить!

Председатель союза пожал плечами: он не верил, что мне могло это удасться. Но другие поддержали меня:

— Если она говорит, так сделает.

Он тяжело вздохнул и махнул рукой:

— Ну что ж, человече, пусть будет по-твоему, только это плохо кончится.

Это не кончилось плохо. Я принялась за дело в тот же день. Я обошла знакомых врачей, адвокатов, инженеров:

— Вы должны дать для детей бастующих.

Дали. По нескольку, по дюжине злотых.

У Кракова были старые традиции пролетарской борьбы, и трудовая интеллигенция относилась к выступлениям рабочих в общем сочувственно. Впрочем, не только трудовая интеллигенция.

И пошла работа!

Каждый день с утра мы с Польдой, милой и дельной девушкой, работавшей помощником каменщика, бежали к заставе, где можно было дешево купить мясо и молочные продукты. Дворничиха из дома профессиональных союзов уступила нам свою кухню. До полудня мы скребли, крошили, варили. В первый день я выдала сорок обедов. Через неделю дошло до двухсот. В магазине, который давал напрокат столовую посуду, я взяла тарелки, купила жестяные ложки. Дети приходили в два часа и в большом зале союза получали обед. Мы быстро мыли посуду, и опять начиналось скитанье по городу за деньгами. Никогда не бывало, чтобы я имела какой-нибудь запас. После каждого обеда я оставалась с пустым карманом и смертельным страхом в сердце: что будет завтра? Я уже совсем обобрала знакомых. Я бегала по чужим людям. Я не просила — я требовала денег на обеды для детей бастующих, и люди давали.

Мы отправлялись на площадь, где продавались овощи. Здесь уже были свои люди. Женщины из предместий, огородницы краковских окраин, часто жены, сестры, родственницы строительных рабочих. Они сидели под парусиновыми зонтами у деревянных столов, на которых раскладывали свой товар. Сюда я шла смело.

— Для детей бастующих.

Давали. Сыпали в мешки, которые несли за мной каменщики, все, что могли: помидоры, огурцы, капусту.

Сами подзывали:

— Подойдите сюда! Почему вы ко мне не заходите?

— Морковь вам нужна?

— Товарищ, у меня есть огурцы. Хотите?

Однажды мы собрали столько огурцов, что не знали, что с ними делать. Польда раздобыла бочонок, и мы засолили огурцы. Впрочем, они разошлись в три

Мы отправлялись на площадь, где продавались овощи.

* Продолжение. См. «Огонек» №№ 3, 4, 5, 6, 7.

«ЕРМАК»

Вл. Лифшиц

Сердца любые
Сдать давно могли бы,
Но не сдают
Машины «Ермака».
Уж сорок лет,
Как ледяные глыбы,
Переворачиваясь,
Трут ему бока.
Но на ходу
Залечивая раны —
Недавних схваток
Свежие следы,—
Еще не раз
Он двинет караваны
В тяжелые арктические льды.
Еще не раз,
На удивленье миру,
Медлителен
И в то же время скор,
Он подойдет
К туманному Таймыру,
Тысячеверстный
Вычертив узор...
Спит океан,
Объят полярной дрёмой,
И морж, как боцман,
Важен и усат,
В который раз
Встречается с «Ерёмой» [1],
Покинувшим далекий
Ленинград...
Немало вынес ты,
Старик «Ермак», ударов,
Немалый срок
Народу прослужил.
Сам твой творец —
Взыскательный Макаров —
Тобой доволен был бы,
Если б жил.
О времени я думаю далеком,
Когда устанет сердце
«Ермака».

Я знаю,
В одиночестве жестоком
Не будут стынуть
Трубы старика.
В моей стране,
Где тружеников честных
Под старость ждут
Забота и уют,
Он доживет свой век
В кругу друзей известных,
И на утиль его не разберут.
Пройдут года.
Над Балтикой кипучей
Вновь загрохочет
Флотская весна,
И мы тогда
Войдем в музей пловучий
И славные помянем имена.

[1] «Ерёмой» любовно называют моряки свой ледокол.

дня. Апетит у наших детей все увеличивался.

Наши обеды были, конечно, очень скромны. Тарелка клецок с молоком или мясной картофельный суп — и все. Нам редко удавалось приготовить два блюда: не было посуды, и не хватало места на кухонной плите.

Я постаралась, чтобы некоторые дети могли ходить обедать к разным людям. Адвокат — политический защитник — взялся столовать двух малышей, сапожник из союза тоже взял двоих. Рабочие металлургического завода, врачи из больничных касс брали по одному, по два ребёнка.

Когда мы выиграли забастовку, мне пришлось еще труднее. Польда ушла на работу. Каменщики, которые мне помогали, тоже начали работать. А ведь я обещала не закрывать столовую до первой получки. Целую неделю я металась одна, почти теряя сознание от усталости. В пять часов утра — за покупками, до полудня — варка обеда, потом — выдача, потом — мытье посуды, потом — беготня по городу за деньгами.

Наконец, наступила суббота — день получки. Последний обед. Со следующего дня дети будут уже обедать дома.

Я выдала последний обед, отнесла в кухню последнюю тарелку и уселась на полу. Я не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Мне хотелось реветь: немножко от радости, немножко от усталости...

Пришли с работы мой муж, председатель союза и другие. Заглянули ко мне на кухню. У меня еще хватило сил торжествующе сказать председателю:

— Ну что, человече, сорвала я забастовку?

А потом им пришлось на извозчике отвезти меня домой. Я совсем обессилела. Но проспала двое суток — и опять все было хорошо.

Шесть недель продолжалась эта забастовка, тяжелая, трудная, прекрасная забастовка.

Тогда я впервые выступала под открытым небом; это — совсем другое дело, чем в зале. Несколько тысяч человек, огромное расстояние, а надо, чтобы голос дошел всюду. Собрания происходили во дворе союза железнодорожников: бастующих было слишком много, чтобы уместиться в зале союза.

На четвертой неделе забастовки начались демонстрации. Собрание кончено, толпа выливается на улицу. Но не расходится. Мы идем сплоченной колонной. Поем.

В первый раз все сошло хорошо. Мы спокойно дошли до дома профессиональных союзов. Полиция не ожидала демонстрации, была не подготовлена.

Во второй раз демонстрация началась стихийно, без всякого распоряжения. Просто мы вышли вместе из ворот: Польда, я, еще несколько строительных работниц. Мы шли вместе, обсуждая какие-то дела. Оглянулись, смотрим: за нами валят все бабы. Ну, если так, ладно. Мы выстроились в ряд — и походным маршем.

Поперек улицы цепь полицейских. Мы с пением свернули в другую улицу — опять полиция. Еще повернули — из переулка выскочили полицейские с палками. Началась сутолока. Люди сначала разбежались, но через минуту,— две колонна собралась снова. Так мы добрались до широкой улицы, где помещался дом союза.

И тут вдруг мы увидели большой отряд полиции. С диким криком, с поднятыми палками мчались на нас полицейские. Вблизи были видны их разинутые рты, свирепые лица. Все они были пьяны (в таких случаях начальники всегда поили их водкой). Я не могу сказать, чтобы это был приятный момент. Толпа рассыпалась. Полиция вслепую колотила палками с диким улюлюканьем, которое, повидимому, должно было испугать и оглушить нас. Польда, я и еще одна строительная работница, погибшая потом во время несчастного случая на работе, взялись за руки. Мы решили пройти. Тут же, совсем рядом, был костел. Люди бросились к дверям костела, чтобы там спастись от избиения. На пороге появился ксендз с растопыренными руками: он не хотел никого впускать. Кто-то толкнул его так, что он перевернулся, толпа хлынула в костел. Наша тройка прошла дальше, полицейские уже бежали за нами.

— Убирайтесь! — заорал нам в лицо один из них, поднимая палку.

Мы крепко, крепко держались под руки.

— Почему же это убираться? — ледяным тоном спросила Польда.

Полицейский остолбенел. Не обращая на него внимания, мы прошли вперед. Мы были уже за цепью полиции, перед домом союза.

Не всегда, впрочем, удавалось отделаться так легко. Во время одной демонстрации, когда полицейский комиссар приказал схватить моего мужа, шедшего во главе толпы, Польда бросилась на комиссара, выхватила у него саблю и переломила ее. Польду не арестовали. Ей удалось убежать, но она была вся избита, вся в синяках.

Я тоже оказалась пострадавшей: какой-то болван пришел на демонстрацию с велосипедом. Когда полиция напала на толпу, он, конечно, бросил его. Я споткнулась и упала на этот велосипед, а на меня — целая куча людей. Среди каменщиков было несколько человек, которые всегда оберегали меня во время митингов и демонстраций, опасаясь, как бы со мной чего-нибудь не случилось. И вот мои опекуны, увидев, что случилось, поспешили мне на помощь. Вместо того чтобы поднимать людей поочередно, они схватили меня за ноги и вытащили из-под груды лежащих. Разумеется, они прозолокли меня по велосипеду, по всем спицам, педалям и гайкам. Они вытащили меня живую и здоровую, но платье и чулки были изодраны в клочья.

Во время этой забастовки пришлось пережить многое. Минуты отчаяния и гнева, когда люди падали духом и уже казалось, что забастовка вот-вот сорвется. Минуты радости и счастья, когда они продолжали упорно бороться, когда над нами гремела, подхваченная тысячами голосов, революционная песня, когда перед нами оказывались бессильными предприниматели, полиция, власти...

Мы вышли из этой борьбы победителями. И потом, в течение нескольких лет, предприниматели не пытались задирать строительных рабочих. Слишком хорошо помнили они свое поражение и нашу стойкость.

Со времени забастовки строительные рабочие Кракова сделались моими лучшими друзьями.

И друзья эти были настоящие. Это были готовые на все, чудесные люди. Ни от кого я не узнала так много, как от них, ни в какой другой среде не встречала столько интересных, необыкновенных людей, как среди них.

Я ходила к ним на лекции, помогала в работе союза. А они приходили к нам домой, брали меня с собой на загородные прогулки, на рыбную ловлю.

Эта рыбная ловля очень отличалась от той, которой я увлекалась в деревне.

Маленькая речка Рудава, впадающая в Вислу, текла среди лугов и зарослей. Ловить рыбу здесь запрещалось, и мы отправлялись на промысел ночью. Рабочие подворачивали брюки, влезали в воду. Один держал сачок, другой шарил под кустами длинной палкой. Выбрасывали на берег пойманную рыбу. Я собирала ее в ящик.

Все было как в волшебной сказке. Небо и земля, черные кусты, плеск воды, тихий шопот людей...

А когда небо начинало бледнеть, мы возвращались назад в город.

Профсоюзная работа развивалась, все лучше организовывались строительные рабочие Кракова. Зато мои личные дела складывались все хуже. Я не могла найти никакой работы. О школе не могло быть и речи, ни о каком учреждении не могло быть и речи. Когда я хлопотала о месте работницы на табачной фабрике, мне ответили, что фабрике нужны работницы, а не агитаторши. Мой муж тоже уже нигде не мог найти работы. Предприниматели боялись его: они знали, что он не упустит ни одного случая выступить в защиту прав рабочих. Он руководил двумя забастовками строительных рабочих, проводил большую забастовку на кирпичном заводе, выступал на десятках собраний и митингов.

Этого было достаточно — его решили уничтожить.

Мы были в безвыходном положении. Мы решили уехать. Об этом велись долгие разговоры. Каменщики хотели, чтобы мы работали как платные служащие союза. Мы отказались. Тогда они пришли с другим предложением:

— Оставайтесь. Одних каменщиков в Кракове около трех тысяч, не считая кирпичников и помощников. В каждой семье вы проведете один день. Это пустяки, всякий может позволить себе на один день пригласить троих гостей. На каждого придется не больше, чем один раз в несколько лет.

Предложение было заманчивое: кочевая жизнь среди семей каменщиков,— но, разумеется, неприемлемое.

Я воспользовалась помощью отца, и мы переехали в Варшаву...

(Продолжение в следующем номере)

Перевод с польского Л. Коп.

На пороге появился ксендз...

ИЗ РАССКАЗОВ О СУЛЕЙМАНЕ СТАЛЬСКОМ

Эффенди Капиев

Экспресс Баку — Москва (он останавливается в Дербенте на две минуты) оказался, как всегда, перегруженным. Сулейману и его переводчику пришлось разместиться в разных вагонах, причем старику досталось верхнее место. Но это нисколько не огорчило Сулеймана. Верхнее, так верхнее! Забравшись на свое место еще с вечера, он почти до полудня следующего дня просидел там, не слезая, молчаливо и стараясь не курить, чтобы не побеспокоить случайную попутчицу. А купе было двухместным — это был международный вагон,— нижний диван занимала «важная» дама, которая ехала до Ростова, и Сулейман, видимо, решил, что весь низ должен принадлежать ей.

Но вот под вечер дама начала собирать свои вещи. Она уже успела привыкнуть к Сулейману и то ли в благодарность за скромное соседство, то ли в знак любезности к старику предложила ему заранее перебраться вниз, занять ее место.

— А другой сирчай нету? — спросил Сулейман покорно.

— Отчего же? — ответила женщина.— Никто ничего не скажет.

...Промелькнул Батайск. Поезд остановился в Ростове.

Когда юноша-переводчик по обыкновению зашел навестить Сулеймана, то застал его уже одного в купе: женщина сошла. Сулейман сидел внизу на мягком диване, по-домашнему подобрав под себя ноги и покуривая длинную трубку. Базарная корзина его висела на крючке. На диване лежала папаха, а на столике — кисет.

...Я представляю себе эту позу Сулеймана, расстегнутый ворот его стариковского бешмета, руку, покоящуюся локтем на согнутом колене, причем кисть руки с опущенными книзу пальцами неподвижно повисла в воздухе...

Сизые клубы дыма плыли мимо лица Сулеймана. Он сидел, как в чайхане, и в прищуре его глаз было такое удивительное простодушие и спокойствие, что юноша долго стоял в стороне, не решаясь заговорить с ним.

Но вдруг двери вагона раскрылись. В купе вошел проводник, а с ним толстый в фетровой шляпе пассажир с желтым изящным чемоданом в руке. С нескрываемым чувством неприязни пассажир этот оглядел купе. Сулейман насторожился. Толстяк поморщился и, не говоря ни слова, протянул руку к папахе Сулеймана, поднял ее двумя пальцами (на пальце сверкнуло золотое кольцо) за самый краешек, за ворсинку, и, брезгливо отбросив ее на стол, поставил рядом с Сулейманом свой чемодан.

— Вот что, гражданин,— говорил между тем проводник, обращаясь к юноше-переводчику,— передайте старику, чтобы он немедленно перебрался к себе наверх: нижнее место забронировано за этим интуристом от самого Баку.

— Не хабер? Что такое? — всполошился Сулейман, приподымаясь.

Он уже приготовился встать.

Юноша объяснил.

— Из иного государства, говоришь? — переспросил Сулейман недовольно и остался сидеть на месте.

Лицо его вдруг стало замкнутым. Он нахмурился. Потом медленно, с достоинством взял со столика кисет и неспеша начал набивать свою трубку. Проводник и пассажир ждали.

— Передай ему,— сказал Сулейман, наконец, не глядя, а лишь кивнув головой в сторону толстяка,— передай, во-первых, что я колхозник. Понял? Бедный человек,— добавил он вдруг притворно жалостливо.— Касиб адам!.. Во-вторых, ты скажешь ему, что я старик: гай, гай; где моя молодость?! Сказал? В-третьих, ты скажи ему, что я как-никак народный поэт. Мол, маленький или большой, но в своем ауле (он выдержал паузу). А в-четвертых,— сказал он, неожиданно повысив голос и беря со столика свою папаху,— в-четвертых, ты скажи этому человеку из иного государства, что здесь не его государство, а мое! Ишь ты, разошелся! Пускай сам взбирается наверх, если хочет!

И, сказав так, Сулейман отвернулся к окну. Лицо его приняло теперь твердое и решительное выражение. Он отряхнул папаху, нарочно громко хлопнул ею о ладонь и надел на голову. Вновь взял трубку (рука, которой он держал чубук, правда, слегка дрожала) и, выпрямившись, не зажигая трубки, настороженно стал глядеть в окно, чутко прислушиваясь в то же время к тому, что творится за его спиной. А за спиной Сулеймана в это время проводник подставлял лестницу. Озадаченный интурист молча забирался к себе наверх. Кто знает, может, он подумал, что этот неказистый старик—и в самом деле важный большевик! Ничего, мол, не разберешь в этой стране!

Много спустя, когда уже начало смеркаться, Сулейман велел переводчику позвать проводника.

— Ты скажи ему,— сказал он серьезно.— Отчего он молчит? Если от этого будет беспорядок, я, конечно, заберусь к себе наверх.

— Да что вы?! — заулыбался проводник.— Все в порядке.

Тогда Сулейман привстал и, достав из корзины несколько яблок (эти яблоки положила ему старуха на дорогу), неторопливо расставил их на столике.

— Кушай,— пригласил он проводника.— Серчай нету! Ппа, ппа! Адин шток, адин роб,— и с серьезным лицом, по-мужицки подмигнув ему глазом, прибавил: — Это наш колхозский! Первай сорт!

И только где-то в уголках губ, заслоненных милыми седыми, старчески беспорядочными усами, угадывалась самодовольная усмешка, как всегда, когда он бывал в хорошем настроении.

ЖИГУЛИ

Сергей Смирнов

И сколько я ни странствовал, бывало,
И где бы патефон ни завели,
Мне песенка покоя не давала:
«Ах, Жигули, мои вы Жигули!»
Казалось, там алмазов не считают,
Казалось, там, среди пещер, уют,
Казалось, там жар-птицы обитают
И даже куры денег не клюют...
Я шел туда лесами и полями —
И вот — меня дороги привели —
Я окружен моими Жигулями:
«Ах, Жигули, мои вы Жигули!»
Простые будни тут всему основой,
Тут все, что надо, взято на учет.
Тут скоро Волга по дороге новой
Без лишних поворотов потечет!
Тут будет море, созданное нами,
Сюда придут любые корабли!
И зазвучит над синими волнами:
«Ах, Жигули, мои вы Жигули!»

Рисунок худ. А. Шульца.

ШПИОНЫ ТЬЕРА

Н. Вильтер

Буржуазное, контрреволюционное правительство, бежавшее 18 марта 1871 года из революционного Парижа в Версаль, бросило огромные средства на организацию шпионажа, диверсий и провокаций против Парижской коммуны. Париж буквально кишел шпионами—профессионалами и «добровольцами». Тут были лавочники и привратницы, буржуазные журналисты и кокотки, чиновники, офицеры — сброд всяких профессий.

Тьер лично возглавлял организацию шпионажа. К нему направлялись все

7 germinal an 79.

LA GRANDE ALLOCUTION

DU

PERE DUCHENE

la Commune de Paris, pour qu'elle ouvre l'œil sur les conspirations des jean-foutres impérialistes et orléanistes,

Et qu'elle prenne les mesures nécessaires pour sauvegarder les intérêts de la Nation.

Обращение газеты «Пер Дюшен» к Коммуне Парижа с призывом к бдительности.

донесения агентов, и он давал указания о ведении подрывной работы. По его инициативе была создана подпольная «Лига единства» («Ligue de l'Union»), которая занималась разложением национальной гвардии и подготовляла заговор с целью контрреволюционного восстания, ареста всех руководителей Коммуны и передачи Парижа в руки Тьера.

Шпион Ларок писал 26 мая в своем донесении полковнику де Бофон— одному из главных руководителей шпионажа: «Наша задача состояла в том, чтобы перетянуть из рядов национальной гвардии на сторону партии порядка достаточную военную силу, способную нанести удар революционным войскам. Для этого нам необходимо было завязать прочные связи в батальонах Коммуны».

Агенты Тьера проникли в комиссию по постройке баррикад и снимали копии с каждого чертежа и плана. Это организовал версальский шпион капитан Зеглер, начальник управления дорог, канализации и насаждений. Реакционный писатель Дальсем в «Истории заговора против Коммуны» рассказывает:

«Ни один чертеж не выходил из стен управления дорог без того, чтобы у Зеглера не осталась копия, заботливо отложенная в сторону.

— Когда наберется весь комплект,— сказал ему Домален [1],— мы отошлем его в Версаль.

Чтобы вынести чертежи из здания управления дорог, Зеглер обратился к помощи своего старого однокашника, бывшего сержант-майора бретонских стрелков; тот взялся пронести нужные бумаги, спрятав их внутри большого листа картона.

В том, чтобы вывезти планы из Парижа, Зеглеру помогла Померля. Померля была молодая блондинка, которую капитан устроил в батальоне как маркитантку.

Померля, тонкая бестия, действовала по указаниям Зеглера.

Через несколько часов после того, как чертежи были вынесены из управления дорог, у ворот Ля Шапель появилась ручная тележка, груженная мешками и пустыми корзинами. Ее тащил огородник, а сзади подталкивала женщина. Это была Померля, нарядившаяся для такого случая рыночной торговкой. На дне повозки, под корзинами и мешками, маркитантка спрятала картон с чертежами баррикад.

Торговцу овощами нетрудно было выйти за стены Парижа: как и все торговцы, он имел пропуск. Ведь надо было ежедневно снабжать столицу продуктами! Его пропустили вместе с тележкой. Но у Померля не было разрешения, она думала, что одного пропуска достаточно на обоих. Быть может, это было и верно неделей раньше, но теперь правила стали строже. Ей пришлось побежать в мерию, выдумать какую-то историю и потерять два часа, прежде чем ей выдали пропуск. Наконец, она, запыхавшись, вернулась к воротам Ля Шапель, вышла за ограду и увидела, что тележка исчезла.

Ее охватило смертельное беспокойство. Она со всех ног бросилась по дороге на Сен-Дени. Когда она пробежала мимо придорожной харчевни, ее окликнул мужской голос. Она оглянулась и увидела своего приятеля-огородника. Он поставил повозку во двор и поджидал маркитантку, опрокидывая у прилавка стаканчик за стаканчиком... Во дворе мимо повозки ходили национальные гвардейцы, не подозревая, что под носом у них осуществляется заговор».

Чертежи были доставлены в Версаль.

Заговорщики несколько раз пытались ночью завладеть крепостными воротами, чтобы открыть их и впустить в Париж поджидавших сигнала версальцев. Два шпиона, капитан Будар и полковник Лапорт, сделали такую попытку в ночь с 5 на 6 мая. Лапорт дал Будару письменный приказ о том, что тот с отрядом в 50 человек направляется на пост у ворот Дофин, а дежуривший там капитан Жирар направляется со своим отрядом к воротам Пасси.

«В два часа ночи 6 мая,— пишет Дальсем,— Будар со своим взводом приблизился к воротам Дофин. Он подошел к начальнику охраны и торжественно предъявил ему приказ о смене его на посту. Офицер взял бумагу, прочел, перевернул, снова прочел, не зная, следует ли подчиниться. В конце концов он решил показать приказ своему начальнику.

Будар начинал терять терпение. Через несколько минут спешно посланный капитаном солдат вернулся с подтверждением приказа. Бойцы сторожевого отряда уже разобрали ружья из козел, выстроились и готовились отдать вновь прибывшим воинскую честь, как полагалось при смене поста, вдруг начальник охраны спохватился.

— В конце концов,—воскликнул он с раздражением, как человек, которого неизвестно зачем потревожили,— я не понимаю, для чего меня отсюда отсылают! Я могу нести стражу не хуже вас.

— Но ведь отдан приказ, не о чем спорить.

— Плевать мне на вас с вашим приказом! Я здесь на своем месте и никуда не пойду. Если хотите, ступайте смените пост Пасси!..

Сколько ни бился Будар, он ничего не мог поделать с упрямым капитаном. Таковы были порядки во времена Коммуны. Вероятно, это был первый случай в армии, когда нарушение дисциплины спасло положение».

Безуспешные попытки открыть версальцам ворота Парижа повторялись еще несколько раз. Это в конце концов удалось выполнить шпиону Дюкателю. 21 мая, проходя мимо крепостных ворот Сен-Клу, он заметил, что они остались без охраны. Дюкатель взобрался на вал и подал версальцам сигнал.

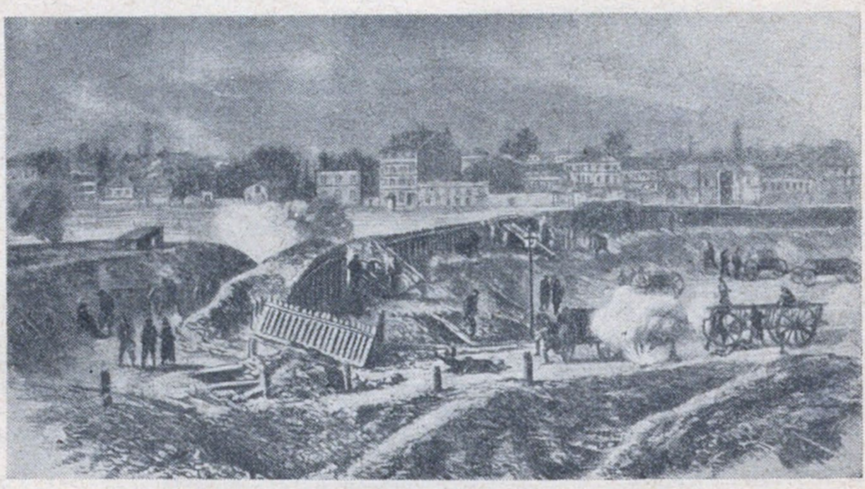
Так версальским войскам удалось проникнуть в Париж.

Большую роль в борьбе Версаля против Коммуны сыграли шпионы-«одиночки». Люди, ненавидевшие рабочее правительство и мечтавшие об установлении прежнего порядка, шпионили, распускали слухи о неминуемом поражении Коммуны, распространяли клевету о руководителях Коммуны, старались сеять панику среди населения и деморализовать бойцов национальной гвардии. После вторжения версальских войск в Париж во время «кровавой недели» шпионы выдавали коммунаров, которые пытались спастись.

Тьер пытался подкупить видных деятелей Коммуны. Подкуп не удавался, но Тьер все же упорно подсылал своих агентов, чтобы опорочить честных революционеров перед общественным мнением.

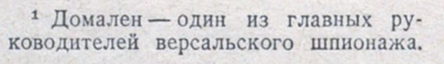
Так он действовал в отношении Домбровского, одного из самых талантливых и преданных генералов Коммуны. Пикар, министр внутренних дел правительства Тьера, предложил польскому журналисту Воловскому поехать в Париж и убедить Домбровского, чтобы тот сдал столицу версальским войскам, а сам со своими близкими бежал заграницу. Воловский передал это предложение Домбровскому.

— Благодарю вас,— ответил Дом-

Ворота Майо.

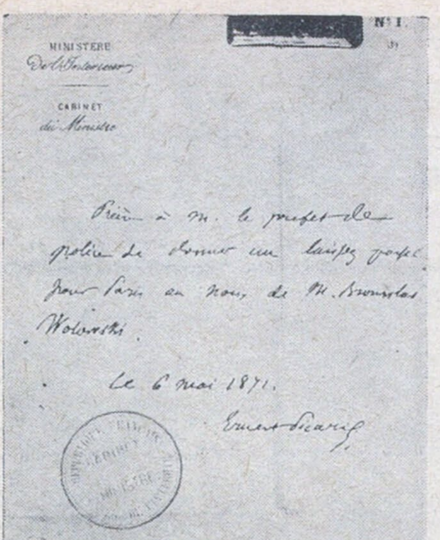
Старинная гравюра.

[1] Домален — один из главных руководителей версальского шпионажа.

Взрыв порохового склада на набережной Рапп.

MINISTERE
De l'Intérieur
CABINET
du Ministre
N° 1.

Prière à M. le préfet de police de donner un laissez passer pour Paris au nom de M. Bronislas Wolowski.

Le 6 mai 1871.

Ernest Picard

Пропуск Брониславу Воловскому за подписью версальца Пикара.

«Прошу г-на префекта полиции выдать пропуск на выезд в Париж на имя г-на Бронислава Воловского. 6 мая 1871 г. Эрнест Пикар».

вали угрозу предательства и часто проявляли наивную доверчивость и беспечность.

Многим крупным шпионам, попадавшим в руки полиции, удавалось бежать. Капитан Будар, пытавшийся 6 мая открыть версальцам ворота Дофин, через день был арестован, но председатель муниципалитета, которому подчинялась полиция, не решился посадить изменника в тюрьму и отпустил его, обязав представить через два часа в Ратушу оправдательные документы. Разумеется, Будар воспользовался этой отсрочкой и бежал из Парижа.

Вступление версальцев в Париж по сигналу предателя Дюкателя.

бровский.— Вы поставили меня перед необходимостью арестовать вас, как я сделал с Бабинским, который взял на себя такое поручение.

Коммуна была слабо защищена против версальского шпионажа. Только некоторые видные деятели Коммуны, как например генеральный прокурор Риго, отдавали себе отчет в необходимости самой беспощадной борьбы с провокациями и шпионажем. Массы инстинктивно чувствовали опасность измены и предательства и требовали от правительства усиления бдительности. Но большинство руководителей Коммуны и даже людей, которым было поручено дело государственной безопасности, недооцени-

Палач Тьер.

Со старинного рисунка.

18 мая официальный орган Коммуны «Журналь офисьель» сообщал:

«Париж. 17 мая. Версальское правительство запятнало себя еще одним преступлением, самым чудовищным и гнусным. Версальские агенты подожгли пороховой склад на набережной Рапп и устроили страшный взрыв. Насчитывают больше сотни человеческих жертв. Много женщин и грудной ребенок разорваны в клочья. Четверо виновных находятся в руках комитета государственной безопасности».

Незадолго до взрыва правительство Тьера позаботилось удалить из Парижа монахинь, живших неподалеку от порохового склада.

А между тем начальник полиции Коммуны Катлен так рассуждал по поводу этого диверсионного акта:

«Я не разделял мнения, будто взрыв устроен преднамеренно, с преступной целью, потому что люди, мне кажется, не настолько жестоки, как о них думают; сомневаюсь, чтобы нашлись негодяи, решившиеся обречь на гибель женщин ради операции, которая не нанесла вреда нашей обороне».

«Однажды, когда уже шли крупные бои, ко мне привели двух офицеров, которые были арестованы как шпионы... Они объяснили мне, что никак не могли принять участие в восстании, потому что не разделяли идей Коммуны, и, будучи офицерами империи, остались верны ее знамени.

Посоветовавшись с моим помощником Эннероном, я сказал офицерам:

— Господа, вы свободны. Сейчас вас выведут отсюда. Но старайтесь не забыть, какой прием вы встретили здесь, и будьте человечны с нашими людьми, если вам придется сражаться против нас...

До середины мая Коммуна всегда поступала так с арестованными военными».

Слабая организация защиты против разветвленной и мощной сети версальского шпионажа послужила одной из причин гибели Коммуны.

ПАРИЖ—ВИШИ

В немецкой газете «Франкфуртер цейтунг» помещена корреспонденция о поездке из Парижа в Виши. Приводим сокращенный перевод этой корреспонденции.

ВНУТРЕННЯЯ ГРАНИЦА

Договором о перемирии между Францией и Германией по французской территории проведена внутренняя граница. Такие пункты, как Шалон на Соне, Мулен, Пуатье, превратились в пограничные города. Для перехода границы нужно иметь разрешение германских оккупационных войск.

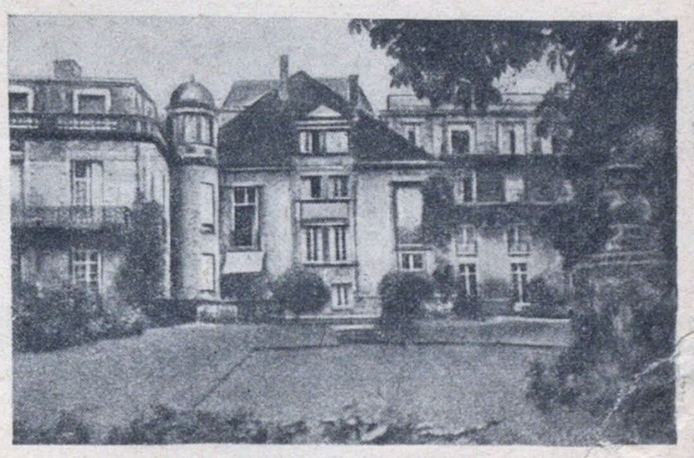
Контроль вежлив, но тщателен. Требуют паспорт, спрашивают об иностранной валюте, о письмах, газетах. Без разрешения военных властей из оккупированной зоны нельзя вывозить свыше тысячи франков. Соблазн передать через уезжающих письма весьма велик, ибо частная переписка между обеими зонами разрешается лишь на так называемой семейной почтовой открытке. На ней напечатано, хорошо ли чувствует себя адресат, не погиб ли или не попал ли в плен один из членов семьи, не нуждается ли адресат в деньгах или продуктах. Ненужные места зачеркиваются, а в заключение отправителю предоставляется выбор между «сердечным приветом» и «целую». Две строки отданы в свободное распоряжение пишущего; они используются весьма изобретательно. Письма контролируются очень тщательно, и тайная перевозка их из одной зоны в другую карается тюрьмой.

Несмотря на сложные формальности, с которыми сопряжена поездка из одной зоны в другую, все четыре поезда линии Париж—Ним, курсирующие ежедневно между столицей и временной резиденцией правительства, всегда переполнены. Едут почти одни только мужчины, большинство из них имеет в петлице ленточку Почетного легиона. Попадаются знакомые лица — речь идет о довоенных лицах. В одном купе спит бывший министр, по соседству с ним — бывший депутат.

ОТЕЛИ-МИНИСТЕРСТВА

Виши — это город, где больше всего можно встретить людей с орденами. Резиденция главы государства находится на вилле маркизы Севинье, которая некогда лечила в Виши свой ревматизм. Ныне эта вилла превращена во второразрядный отель, и только на фасаде сохранились следы архитектуры XVII века. Здесь Петэн устраивает свои приемы. Живет и работает он в Отель-дю-Парк, где расположились важнейшие министерства, генеральный секретариат и кабинет главы государства, канцелярии совета министров, вице-председателя совета министров и министра иностранных дел, отделы информации и цензуры.

По соседству, в отеле «Термаль», разместились военное министерство, комиссия по перемирию и управление по делам военнопленных. Через два дома находится министерство просвещения, переселившееся сюда из отеля «Ройяль». Подобные переселения весьма часты и большей частью необъяснимы, как и постоянные смены в канцеляриях и штабах, что еще больше усиливает впечатление временности. Чаще всего происходят перемещения в ведомствах информации, пропаганды и радио.

Виши. Вилла маркизы Севинье.

В Виши каждый номер гостиницы одновременно является спальней, канцелярией и салоном для приемов. Чиновники министерств по утрам удаляются в парк, пока уберут их постели, на которых потом весь день лежат папки с делами. В передних стоят чемоданы, как бы подготовленные для дальнейшей поездки.

В отеле «Британик», где расположилось министерство колоний, в одной из ванных комнат установлены коротковолновые радиопередатчики, связывающие Виши с французскими колониями.

Отель-де-Амбассадер (отель Послов) вполне оправдывает свое название, ибо здесь расположились иностранные миссии. По вечерам в баре этого отеля встречается «весь Виши». Здесь все свои люди. Депутаты, сенаторы, бывшие министры, писатели, журналисты, экзотические принцы, эффектные, искусно намазанные и замечательно завитые дамы играют в бридж и пережевывают слухи, родившиеся днем в кулуарах Отель-дю-Парк. Тем, кто знал Францию до войны, бросается в глаза обилие офицеров; в своей элегантной форме со сверкающими орденами они не похожи на командиров армии, потерпевшей поражение.

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

И. Ермашев

10 марта 1941 года.

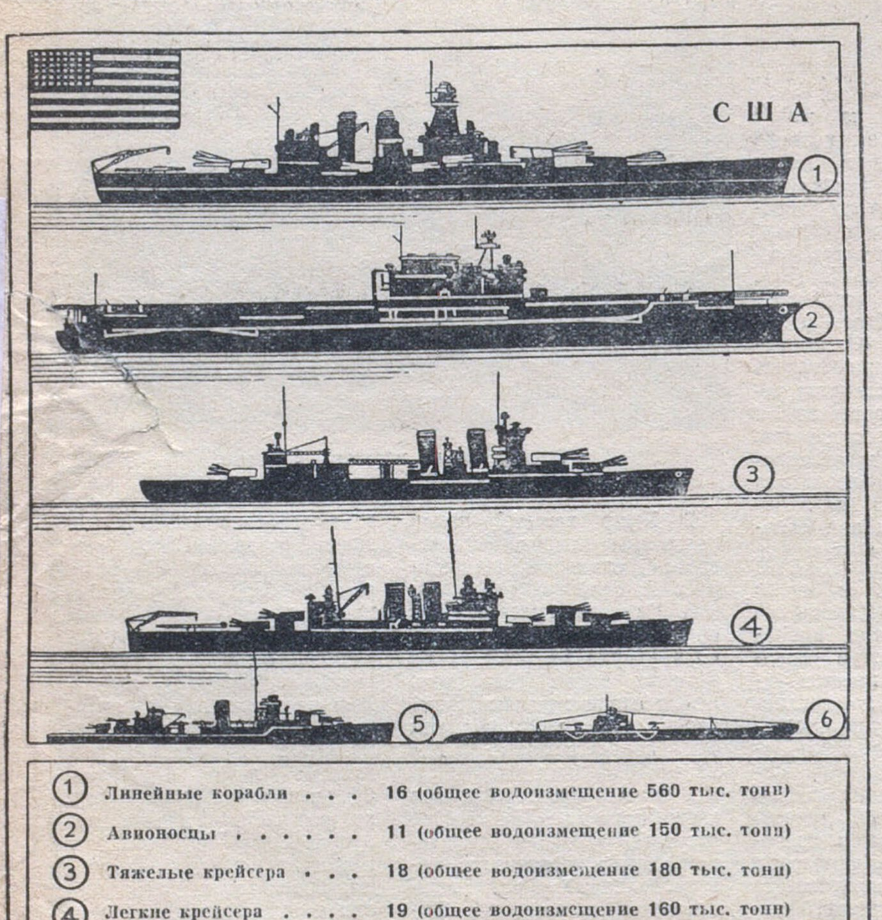
1. «ФЕВРАЛЬСКАЯ ТРЕВОГА» НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

На европейских и африканских фронтах второй мировой войны вновь установилась кратковременная «оперативная пауза». В момент, когда мы пишем эти строки, активные операции важного значения продолжаются только в Итальянском Сомали. В Албании противники все еще остаются на старых позициях; в Триполитании генерал Уэйвелл занят подтягиванием резервов и горючего для своих мотомеханизированных колонн и выжидает, видимо, результатов нажима войск генерала де Голля на итальянский тыл с юга; германские силы также не предпринимали еще широких активных операций ни в Ливии, ни на западе. «Затишье перед бурей» не может, конечно, продолжаться долго. Но мы пока все же имеем время бросить взгляд на события, происходящие на Тихом океане, вернее, в одном из важнейших его бассейнов—Южно-Китайском море.

В высшей степени показательно напряженное положение, создавшееся здесь в феврале. В начале этого месяца командующий британскими вооруженными силами на Дальнем Востоке маршал авиации Брук-Попэм прибыл в Австралию для участия в совещании по вопросам обороны этого крупнейшего британского доминиона. Одновременно стало известно, что Австралия и Новая Зеландия заключили соглашение с США о совместной обороне на случай осложнений. В США это соглашение оценивается как весьма важное звено, обеспечивающее для американского флота путь в Сингапур. В Австралии и Новой Зеландии приняты и другие меры на случай нападения извне.

Еще более важным свидетельством напряженного положения в западной части Тихого океана является переброска австралийских войск в Сингапур во второй половине февраля. Значительно усилена также авиация, базирующаяся на Сингапур. Туда прибыли в частности новейшие двухмоторные истребители дальнего действия. Усиление гарнизона Сингапура расценивается в японских кругах в качестве «действия воюющей стороны», как выразился представитель японского командования в Китае майор Акияма.

Через два дня после прибытия австралийских войск в Сингапур начальник штаба американской армии генерал Маршалл заявил на секретном заседании сенатской комиссии по военным делам, что из США на Гавайские и Филиппинские острова будут немедленно переброшены новейшие бомбардировщики с целью укрепить американские воздушные силы на Тихом океане. «Армия, — сказал Маршалл,— должна быть готова ко всяким случайностям». Еще через несколько дней было объявлено, что американский флот, сконцентрированный на Гавайских островах, «возобновил учения», то есть, иначе говоря, остается в полной боевой готовности на Тихом океане.

1	Линейные корабли . . .	16 (общее водоизмещение 560 тыс. тонн)
2	Авианосцы	11 (общее водоизмещение 150 тыс. тонн)
3	Тяжелые крейсера . . .	18 (общее водоизмещение 180 тыс. тонн)
4	Легкие крейсера	19 (общее водоизмещение 160 тыс. тонн)
5	Эсминцы	200 (общее водоизмещение 300 тыс. тонн)
6	Подводные лодки . . .	105 (общее водоизмещение 105 тыс. тонн)

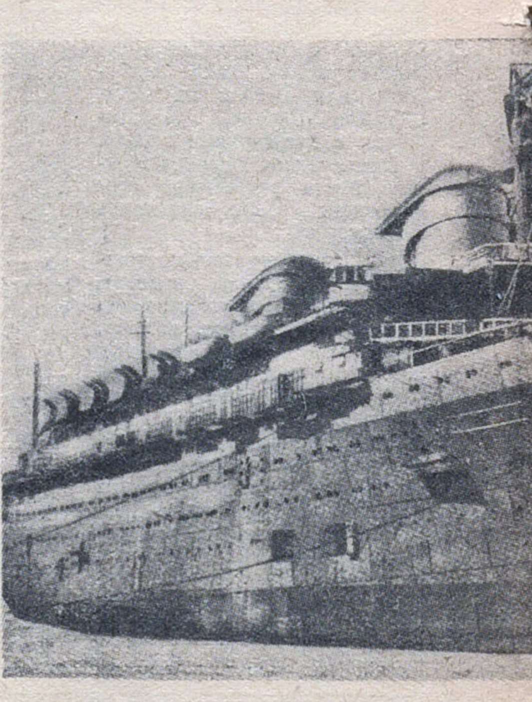
Рельефная карта основных коммуникационных линий, военно-морских и

Все эти признаки тревожного ожидания «чрезвычайных обстоятельств» объясняют дальнейшим продвижением японских вооруженных сил на юг. Сообщения по этому поводу чрезвычайно разноречивы. По сведениям одних иностранных агентств, на острове Хайнань уже сконцентрирована 100-тысячная японская армия и туда, в частности, направляется из Токио 8-я японская дивизия. По другим сведениям, на острове Хайнань и на острове Формоза японские силы достигают 80 тысяч человек. На острове Хайнань, как утверждают некоторые иностранные агентства, находятся также крупные соединения японской авиации. Одновременно сообщалось, что в Тонкинском заливе сконцентрирована сильная японская эскадра, насчитывающая до 100 боевых кораблей. По утверждению «Ассошиэйтед пресс», в Сиамском заливе, близ Бангкока и к югу от острова Кох-Чанг, обнаружены две японских эскадры.

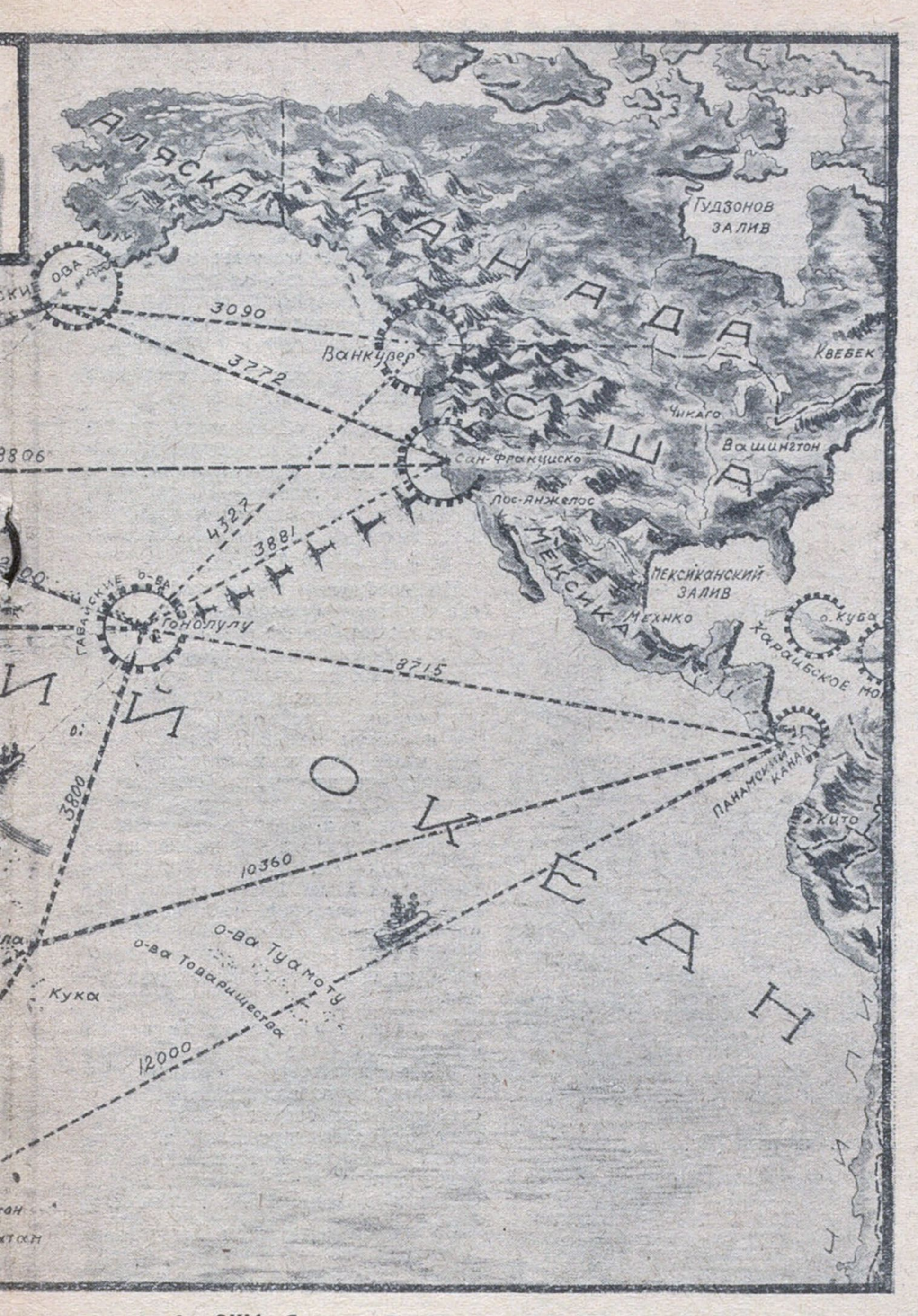
2. ПОЛЕМИКА ТОКИО—ВАШИНГТОН

Эти события находятся в прямой связи с дальнейшим ухудшением японо-американских и японо-британских отношений.

Англо-американское сотрудничество является новым фактором в борьбе на Тихом океане. От этого сотрудничества во многом зависит судьба Британской империи. Английское правительство не в состоянии собственными силами отстаивать

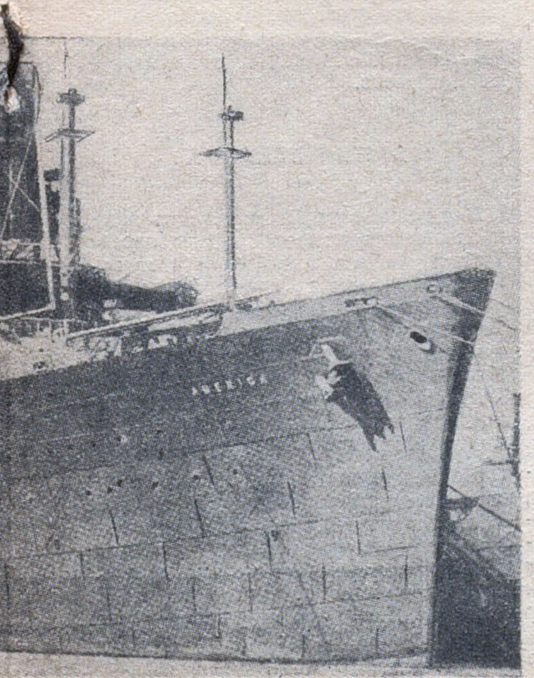

«Америка» — крупнейший лайнер США, к

...и воздушных баз США, Японии и Великобритании на Тихом океане.

свои позиции на Тихом океане. После поражения Франции США остались единственной тихоокеанской державой, располагающей достаточной силой, чтобы уравновесить возросший удельный вес Японии. Интересы США и Великобритании сталкиваются теперь на все более широком фронте с интересами Японии. При этом следует учесть, что Великобритания играет сейчас в тихоокеанских делах менее значительную роль, чем раньше. Таково, между прочим, одно из последствий военных событий в Европе и Африке, где сконцентрированы главные силы Великобритании.

...курсирующий на тихоокеанских линиях.

Ведущая роль на Тихом океане перешла к США. И в той мере, в какой речь идет о капиталистических державах, основными соперниками на Тихом океане являются США и Япония. Соперничество этих двух держав — явление не новое. Тем не менее, в их отношениях за последнее время явственно слышится новый тон.

Япония — союзница Германии и Италии — и в свою очередь США, все более открыто становящиеся на сторону Великобритании, отлично понимают, что война отбрасывает свою зловещую тень и на их отношения.

Нынешний период взаимоотношений тихоокеанских держав можно было бы назвать **маневрированием для занятия исходных позиций**. Не случайно за последнее время усилилась борьба за такие важные позиции, как Голландская Индия и Французский Индо-Китай. В борьбу великих держав вовлечен также Таи. Следует также добавить, что для всех основных соперничающих держав речь идет не о каких-то частных или местных интересах и преимуществах, привилегиях или выгодах. Речь на самом деле идет о решительном изменении всей ситуации на Тихом океане.

О том, каковы намерения сторон, можно судить по интересной полемике между государственным секретарем США Хэллом и министром иностранных дел Японии Мацуока.

16 января Хэлл произнес речь на заседании комиссии по иностранным делам палаты представителей. Хэлл обвинял Японию в том, что начиная с 1931 года она проводит политику вытеснения США из Китая. По словам Хэлла, «Япония руководствовалась далеко идущими планами, направленными к установлению ее господства во всем районе западной части Тихого океана».

26 января Мацуока произнес в японском парламенте речь, которая была расценена как ответ Хэллу. Мацуока заявил, что США должны были бы воздерживаться от вмешательства в дела Восточной Азии. Мацуока весьма ясно определил основную задачу японской внешней политики. «Япония,— сказал он,— должна господствовать в западной части Тихого океана».

Позиции обеих сторон таким образом совершенно ясны. Для политики Японии и США, как и Великобритании, в одинаковой мере характерно стремление к господству в западной части Тихого океана. В руководящих кругах эта цель рассматривается **как конкретная и текущая задача, которая поставлена в порядок дня нынешней международной обстановкой**. Такова, в частности, точка зрения руководящих кругов Японии. Заявление японского премьер-министра Коноэ о том, что «Япония стоит в настоящее время перед величайшими, невиданными в ее истории трудностями», отнюдь не предназначено только для внутреннего потребления. Огромный, по сути дела, военный бюджет (11 740 миллионов иен) этого года и дальнейшая милитаризация всей японской экономики свидетельствуют о том, что руководящие круги Японии стоят перед весьма важными решениями.

Столь же широкие приготовления продолжаются и по ту сторону океана. Американский конгресс утвердил пятилетнюю морскую программу, на выполнение которой отпускается 11 миллиардов долларов. За эти пять лет должно быть построено около 1 тысячи военных кораблей. К 1944 году (по другим сведениям к 1942 году) военно-морской флот США будет располагать 15 тысячами самолетов. Личный состав флота сейчас насчитывает 200 тысяч рядовых матросов и 27 тысяч офицеров. В начале марта председатель комиссии по морским делам палаты представителей внес в палату законопроект об увеличении личного состава флота до 300 тысяч человек, а, по словам начальника оперативного отдела морского министерства США адмирала Старка, численный состав флота будет в ближайшее время доведен до 460 тысяч рядовых матросов и 33 тысяч офицеров.

Численность американской армии уже в июле этого года достигнет невиданной для нее цифры — 1500 тысяч человек. Формируется 4 бронетанковых дивизии. Количество боевых самолетов предположено довести до 50 тысяч.

3. ТОННЫ И КАЛИБРЫ

Обе стороны стоят перед крупными проблемами. Тихоокеанский театр с его огромными территориями и пространствами потребовал бы в случае войны между великими державами колоссального напряжения сил.

(Окончание см. на стр. 21).

ЯПОНИЯ

1	Линейные корабли	12	(общее водоизмещение 400 тыс. тонн)
2	Авианосцы	9	(общее водоизмещение 148 тыс. тонн)
3	Тяжелые крейсера	14	(общее водоизмещение 140 тыс. тонн)
4	Легкие крейсера	28	(общее водоизмещение 170 тыс. тонн)
5	Эсминцы	143	(общее водоизмещение 171 тыс. тонн)
6	Подводные лодки	85	(общее водоизмещение 101 тыс. тонн)

ФРАНЦУЗСКАЯ СЕВЕРНАЯ АФРИКА

Л. Волынский

Бизерта, Оран, Мерс-эль-Кебир... Эти названия французских военных портов на североафриканском побережье все чаще упоминаются иностранной печатью в связи с развитием военных операций на Средиземном море. Военные события в Ливии еще больше усилили интерес к Французской Северной Африке — к Марокко, Алжиру и в особенности к Тунису. Причина — географическое положение этих французских колоний и то стратегическое значение, которое приобретают они в создавшейся обстановке для воюющих сторон.

Французское побережье Северной Африки отделено укрепленной «линией Марет» (африканская «линия Мажино») от Ливии. Оно поднимается отсюда круто, почти под прямым углом, к северу, вдоль залива Малый Сирт, или Габес. Достигнув мыса Бон, оно тянется на запад, до границ Испанского Марокко. Длина этой береговой линии — около 2300 километров. Вдоль французских владений проходят коммуникации из Гибралтара в Мальту.

Как мы уже упомянули, особенно много пишут теперь о Тунисе. Он не только граничит с Ливией, но находится в непосредственной близости к самой Италии. Тунис отделен от Сицилии узким Сицилийским проливом, шириной в 145 километров. В 233 километрах от тунисского берега расположен итальянский остров Сардиния с его первоклассной военно-морской и военно-воздушной базой Кальяри.

Готовясь к войне, Франция, как и ее бывший английский союзник, делала большую ставку на свою тунисскую морскую крепость Бизерту, господствующую над Сицилийским проливом. Бизерта отделена водным пространством в 252 километра от итальянской базы Трапани (на острове Сицилии) и вдвое меньшим расстоянием от острова Пантеллерии — итальянского опорного пункта в том же проливе.

Порт Бизерта лежит у канала, ведущего в озеро того же названия. Это озеро может вместить все военно-морские флоты Европы. Оно доступно для кораблей с самой глубокой осадкой. На Бизертском озере создана база подводных лодок и сооружены подземные нефтехранилища. Гидродром рассчитан на 100 с лишним самолетов. В порту, с обеих сторон защищенном мощными фортами и береговыми батареями, имеются сухие и плавучие доки для ремонта боевых кораблей.

Несколько отстают от Бизерты порты Алжир и Оран, хотя за последние годы на их укрепление и модернизацию были затрачены немалые суммы. Близ Орана построена морская крепость Мерс-эль-Кебир; здесь находится один из сильнейших опорных пунктов французского флота. Порты Французской Северной Африки соединены железной дорогой, доходящей на востоке до Габеса.

Стратегическое значение этих французских владений следует рассматривать не изолированно, а в сочетании с Тулоном, морской крепостью на юге Франции, и с Бонифаччо, укрепленной базой на острове Корсике. Та держава, в руках которой теперь оказался бы «треугольник» Тулон—Оран—Бизерта, господствовала бы в западном бассейне Средиземного моря.

Позиции Англии на Средиземном море были бы значительно поколеблены в случае, если бы под контроль держав оси наряду с портами и аэродромами Французской Северной Африки перешли также остатки французского военно-морского флота.

ФРАНЦУЗСКИЙ ФЛОТ

В момент капитуляции Франция располагала сильным военно-морским флотом, понесшим лишь ничтожные потери в предшествовавший период. В его состав входили, не считая устаревших кораблей, 9 линкоров: «Ришелье», «Страсбург», «Дюнкерк», «Лоррен», «Бретань», «Прованс», «Курбэ», «Пари», «Осеан» (строились 3 линкора),— 1 авионосец, 1 авиотранспорт, 7 тяжелых крейсеров, 11 легких крейсеров (3 крейсера строились), свыше 80 эскадренных миноносцев, не меньшее количество подводных лодок и много вспомогательных кораблей.

Тунис. Французские войска на маневрах.

Французские колониальные войска в Северной Африке: марокканские спаги (арабская кавалерия).

Вскоре после подписания договора о перемирии на французский флот обрушились удар за ударом. Англия захватила французские корабли, находившиеся в британских портах Плимуте, Портсмуте, Ширнессе, а также в Александрии: 3 линкора, 6 крейсеров, несколько подводных лодок, 12 эсминцев и до 200 мелких кораблей. 3 июля 1940 года английский флот напал на французскую эскадру в Оране. В последовавшем бою погибли линкор «Бретань» и авиотранспорт «Коммандан Тест»; были сильно повреждены и вышли из строя линкоры «Прованс» и «Дюнкерк». Только линкору «Страсбург», поврежденному торпедой, и 5 другим кораблям удалось прорваться и укрыться в Тулоне. Далее, в сентябре 1940 года, во время нападения английских кораблей на Дакар, был сильно поврежден и выведен из строя лучший и крупнейший из кораблей, плававших под французским флагом,— линкор «Ришелье».

Не лишено интереса сообщение итальянской газеты «Лаворо фашиста» от 9 февраля 1941 года о тоннаже французского флота, доставшегося Германии. Газета указывает, что в числе военных трофеев оказались все недостроенные французские корабли, «оставшиеся на верфях в зоне, занятой германскими войсками»: линкор «Клемансо» (водоизмещением в 35 тысяч тонн), 11 подлодок, 8 эсминцев и несколько других кораблей. На верфях были захвачены материалы, заготовленные для строительства линкора «Гасконь», авионосца «Пенлеве» и 6 подлодок.

Каково же нынешнее состояние французского флота?

Иностранные обозреватели указывают, что в распоряжении правительства Виши остался лишь один боеспособный линкор — «Страсбург»; в Касабланке находится недостроенный линкор «Жан Бар» (водоизмещением в 35 тысяч тонн).

По сообщению германской газеты «Гамбургер фремденблатт», под французским флагом остались 1 линкор, 1 авионосец, 17 крейсеров, 54 эскадренных миноносца и свыше 70 подводных лодок (по американским данным, на 3 крейсера, 2 эсминца и 10 подлодок меньше). Очевидно, в это число входят и недостроенные французские военные корабли, находившиеся на верфях неоккупированной зоны, и корабли, застрявшие в портах отдаленных, заокеанских колоний, фактически утраченные для правительства Виши. В таком положении находится, например, соединение кораблей в порту острова Мартиника в Караибском море: 1 авионосец, 2 крейсера и несколько подводных лодок.

После всех понесенных им потерь французский флот все же включает немалое количество боеспособных надводных и подводных кораблей. В основном они сосредоточены в Тулоне, Оране, Алжире, Бизерте. Часть флота находится в Касабланке, отдельные корабли — в Дакаре, портах Сирии и в заокеанских колониях.

Во франко-германском договоре о перемирии не упоминается судьба французских колониальных владений; она должна быть определена при заключении мирного договора. Что касается флота, то хотя в статье 8-й договора о перемирии и говорится, что весь французский флот должен быть собран в точно указанные порты для демобилизации и разоружения под германским и итальянским контролем, все же в ней сделана существенная оговорка: Франции предоставлено право содержать военные корабли в колониях для защиты своих интересов.

АРМИЯ ВЕЙГАНА

В начале сентября прошлого года, после реорганизации правительства Петэна, Вейган, сдав свой пост министра обороны генералу Хюнцигеру, вылетел на самолете в Северную Африку. В качестве генерального комиссара африканских владений, сохраняющих верность правительству Виши, Вейган принял на себя руководство находящимися там французскими войсками.

Какова численность армии Вейгана? Статистических данных на этот счет, разумеется, нет, равно как нигде не приводились итоги проведенной в Северной Африке мобилизации и вербовки добровольцев во время войны. Для ориентировки можно лишь напомнить, что в Алжире и Тунисе до войны был расположен 19-й корпус, включавший 3 дивизии регулярных войск. В их состав входи-

ли 6 полков зуавов, 6 полков африканских егерей, 3 полка легкой и 1 полк тяжелой артиллерии, батальон саперов и авиополк. Кроме того в Алжире и Тунисе были размещены 4 полка Иностранного легиона и туземные войска, состоявшие из 12 полков африканских стрелков и 6 полков спаги (арабская кавалерия). В общей сложности гарнизоны Алжира и Туниса насчитывали до 90 тысяч человек. Во Французском Марокко находилось 65 тысяч человек. Всего 155 тысяч.

Повидимому, численность армии Вейгана в североафриканских колониях не только не ниже, а выше этой цифры. Французское командование еще в 1938 году стало усиливать местные гарнизоны. Как сообщала в то время американская печать, на одной только укрепленной пограничной «линии Марет» к началу нынешней войны находилось не менее 35 тысяч французских солдат.

В начале 1939 года ряд французских военных специалистов выступил в печати с требованием дальнейшего усиления гарнизонов в Северной Африке. Так, в серии статей, посвященных обороне Туниса, генерал Баратье указывал в газете «Тан» на необходимость расквартирования там трех новых дивизий (в том числе одной дивизии моторизованной кавалерии), а также артиллерийских и танковых полков.

Помимо сухопутных и военно-морских сил в распоряжении генерала Вейгана имеется и авиация. Частичное представление о ее численности дает хотя бы тот факт, что в ответ на нападение англичан на Дакар 120 французских самолетов, поднявшихся с североафриканских аэродромов, подвергли бомбардировке Гибралтар.

Французская Северная Африка издавна является крупнейшим резервуаром людской силы для армии метрополии. В войну 1914—1918 годов отсюда были отправлены на европейские фронты 250 тысяч солдат. В гарнизонах Алжира, Туниса и Марокко проходил свой служебный стаж, тренируясь в колониальных войнах и усмирительных походах, командный состав французской армии. Страницы биографий таких французских военачальников, как маршал Лиотэ, генералы Вейган, Гамелен и другие, связаны со службой в Северной Африке.

В случае необходимости Вейган может рассчитывать и на людские обученные резервы Сенегала, Дагомеи, Нигера и других областей Французской Западной Африки, власти которой подчиняются ему, как уполномоченному правительства Петэна. Если морской путь из Дакара до Касабланки связан с некоторым риском для воинских транспортов, то для переброски войск может быть использована так называемая «имперская тропа», строительство которой было закончено накануне нынешней войны. Это наспех сооруженная автомобильная дорога, прорезающая пески пустыни и скалистые местности и берущая начало у Дакара, с тем чтобы через Россо—форт Гуро и далее, вдоль восточной границы испанской колонии Рио-де-Оро, достигнуть южной оконечности Французского Марокко. Отсюда дорога направляется к Агадиру, Маракешу и Казабланке.

Возникают, однако, два вопроса. В каком состоянии находится «имперская тропа», требовавшая, как неоднократно указывалось во французской печати, постоянного ремонта вследствие горных обвалов и заносов ее песками пустыни? Располагает ли Вейган достаточным автотранспортом для переброски из Западной в Северную Африку крупных воинских контингентов с боеприпасами и всеми остальными необходимыми грузами?

Один из фортов укрепленной «линии Марет» в Тунисе, на границе с Триполитанией. Солдаты заняты маскировкой форта.

Схема западного бассейна Средиземного моря и основных морских коммуникационных линий. На снимке слева: французский военно-морской флот на рейде Тулона.

ДМИТРИЙ ФУРМАНОВ

Ал. Исбах

В кинофильме «Мятеж» есть такой кадр: «Фурманов и его товарищи, схваченные мятежниками, сидят в тюрьме. В перспективе — расстрел. Жить осталось считанное время. Фурманов лихорадочно спешит занести в свою записную книжку последние события. Надо записать полнее. Надо успеть. Ведь придти за ними могут каждую минуту. От сильного нажима ломается карандаш. Неожиданно и досадно прерываются записи».

Этот кадр — не вымысел. В архивах Дмитрия Фурманова среди других сохранились и эта записная книжка и эти страницы, которые своим обычным твердым почерком заполнял Дмитрий в тюрьме в ожидании смерти. И в середине страницы, там, где сломался карандаш, идет жирная обрывистая черта.

Тогда смерть была предотвращена.

Карандаш окончательно сломался пятнадцать лет назад. Записные книжки, дневники, встающие в памяти беседы, в которых Фурманов делился с нами планами своих будущих работ, говорят о богатейшем опыте, об интереснейших замыслах писателя-большевика, о планах, которые остались невыполненными.

На литературном фронте Дмитрий Фурманов остался тем же бойцом, активно участвующим в сражениях.

Кончилась гражданская война Комиссар дивизии Дмитрий Фурманов слез со своего боевого коня. Он перечитал свой дневник, свои записные книжки.

Весь путь Чапаева, вся жизнь этого человека ярко встали перед Фурмановым. Он листал страницы дневника, и он видел, как росла дивизия, как закалялась она в боях, как становилась дисциплинированной красноармейской частью.

Об этом нельзя было не написать. Он уже видел в своем воображении будущую книгу о Чапаеве.

Будущая книга волнует, захватывает его, он думает только о ней:

Д. А. Фурманов и М. В. Фрунзе.

Снимок 1919 года.

«Ее надо сделать прекрасной. Пусть год, пусть два. Но ее надо сделать прекрасной. Материала много, настолько много, что жалко даже вбивать его в одну повесть... Теперь сижу и много, жадно работаю... Увлечен, увлечен, как никогда!»

Страница за страницей вырисовываются истинные черты Чапаева, этого замечательного, самобытного народного героя. Его ум, организаторские способности, его сила, его военный талант, его связь с народом, с массами. Перед нами возникает истинный, не выдуманный, не прикрашенный народный герой. Перед нами возникает образ Чапаева во всей его многогранности, образ Чапаева реального и земного. Фурманов сумел слить воедино типичные и индивидуальные черты, причем образ Чапаева дается в динамике, в движении, в росте, с каждой новой страницей мы обогащаем свое представление о Чапаеве. Начинаешь понимать одно из основных эстетических положений Фурманова: «никогда не увлекаться в отрицательном типе изображением отрицательных черт, а в положительном—положительных...».

Фурманов сумел показать глубокие процессы, происходившие в армии. Он показал своих героев в движении. Писатель-большевик показал, как шел сложный процесс роста политической сознательности, как завоевывалась дисциплина, как идейно крепли день ото дня и сама армия и ее боевое руководство.

После выхода «Чапаева» прошли годы. Фурманов написал еще несколько книг. Но не раз он возвращался к этой первой, любимой своей книге.

Он обрабатывал ее для каждого нового издания, обрабатывал детально, строка за строкой, слово за словом. И в последние недели своей жизни он опять неоднократно возвращался к мысли об органической переделке всей книги. Об этом он писал и А. М. Горькому. Он хотел сделать ее лучше, ярче, художественнее. Он не успел этого сделать.

Но герои «Чапаева» живут. Вся страна теперь смотрит на них, слышит их голоса с экрана.

Вся страна, миллионы людей, видит героическую эпопею Красной Армии, ее вождей и бойцов, ее Чапаева и ее Фурманова.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ДНЕВНИКОВ Д. ФУРМАНОВА

ДЕВИЗ ЧАПАЯ

Его девиз — это всюду быть самому, самому за всем смотреть, во все вникать, все проверять, давать совет на месте, а не заглазно, не на бумажке. На митинге у него всегда фигурирует одно любимое выраженьице: «Я, товарищи, не старый генерал, который, бывало, за 300 верст дает приказ — взять во что бы то ни стало вот эту сопку! Ему говорят, что до нее невозможно дойти без артиллерии, что тут проволока навита в 50 рядов. А вас учили гимнастике? Прыгать умеете? Вот и прыгайте! (Здесь обычно следует дружный, сочувственный смех. Чапай знает это и с целью всегда подпускает это выраженьице). Нет, я не старый генерал, я сам всегда и всюду с вами. Я иду с народом, и если грозит опасность,— она прежде всего грозит мне самому: первая пуля летит мне в лоб. А душа ведь все-таки жизни просит, умирать-то никому не хочется, как он ни будь храбр и отважен. Вот я и выбираю такой путь, чтобы самому не погибнуть, да и вас не сгубить!»

И действительно, он всегда и всюду с армейцами, показывает им пример отваги, труда и терпения. Он работает с наслаждением, он ни минуты не может сидеть без дела. Тоскует, ходит из конца в конец и не знает, за что бы такое взяться. Натура кипучая и страстная. У него есть определенный прием: при первой же встрече наддать пару, припугнуть, покричать, «взять в работу» (как выражаются он и все его чапаевцы)...

...«Всыпать, что следовало» — это теперь в его устах уже анахронизм, пережиток старины, теперь он уже больше не всыпает. ...Чапай страстен и неукротим. Изо всех, кому приходится с ним работать, мне одному удается его укрощать и даже в гневе—уговаривать и убеждать. Со мной он считается, меня слушает, мои слова для него не проходят даром. Он один может наделать массу бестактностей, может пустить целую тучу обидных слов и заключений. Не привыкнув еще точно и кратко формулировать свои мысли, он часто говорит и пишет не то, что думает, или почти что не то, во всяком случае понять могут весьма извращенно. Узда необходима.

13.IV.

ДЕ ГАРИ — АЛЕКСАНДРОВ-ГАЙ

Из Уральска получил телеграмму Фрунзе: отправился 28-го в Алгай. Дорогой товарищи убедили, что три пересадки в пути (Ершов, Урбах, Красный Кут) обойдутся слишком дорого (дней 6—8) и что значительно выгоднее в смысле времени ехать на перекладных. Тут до Алгая верст 150. Когда, помню, ехал от Самары к Пугачевску,— лошадей всюду давали без всяких разговоров. Тут же приходилось пускать матерную батарею, и престиж военного авторитета, и посулы арестом, укоры, угрозы и вообще всякую дрянь. Все-таки до самого Алгая доехали. Ехал всего три дня, добравшись до места лишь поздно вечером 6-го числа. Помню от Курилова до Новоузенева катил меня киргиз по имени Канат. Отъехали мы от Куриловки верст с десяток. Показывается волк, большой, матерый, путь держит прямо на нас. Он был шагах в трехстах, когда я ударил из кольта. Услышав выстрелы, он живо повернулся и ударился в степь. Потом я разговорился с Канатом.

— Что, Канат, признаешь ли советскую власть?

— Признаем... мы все, киргиз, ее признам... Я был Красной Арм, мой два брата Красны Армы...

— А ты сам откуда, далеко живешь?

— Далек... Степь далек... Жена остался...

— А теперь ты где работаешь...

— Работаем Совет... Был Красн Арми ранина и приехал жить Совет.

Видно было, что за советскую власть он положит и отдаст все. Киргизов вообще очень много у нас в армии. Они, кроме защиты советской власти, видимо, еще на своих врагах, казаках, вымещают накипевшую горечь, обиду и затаенную злобу. В интернациональном полку, что стоит под Алгаем, киргизов насчитывается, кажется, больше нежели красноармейцев какой-либо другой национальности. А национальностей в этом полку можно насчитать по крайней мере 12 или 14.

На этом фронте сражаются большей частью добровольческие полки (Орлобо-Куриловский, Ново-Узенский, Мало-Узенский, Краснокутский, Мусульманский). Они все сорганизовались после того, как отведали прелести казацкой власти и казацкой нагайки. В Курилове, например, после того как вошли казаки, началось выдергивание советских работников по указанию местной сельской буржуазии. Куриловцы поднялись и с боем выгнали казаков. Теперь Куриловский и Мусульманский полки считаются лучшими из действующих, пожалуй, не только на нашем фронте, но вообще по территории Советской республики. Я с ними познакомился, с куриловцами. Боевые, решительные, стойкие ребята. Да и как не быть этому полку спаянным, когда тут имеется по шесть братьев, идут рука об руку отец с сыном, друг с приятелем, сосед с соседом. У них воистину все за одного и один за всех. Мусульманский полк называет полк куриловцев не иначе как «мать» за то, что куриловцы многократно помогали и однажды выручили из большой беды.

Весь фронт тут держится добровольческими частями из поднявшихся сел и хуторов.

Литературные новинки

«ПОСЛЕДНИЙ ИЗ УДЭГЕ»

Есть книги, подобные бомбам замедленного действия. Они не сразу поражают сознание. Книга прочтена, поставлена на полку, и давно уж ты занялся чем-то другим: работой или разговором. И вдруг от какого-то слова, или мысли, или наблюдения в сознании вспыхивает образ, или пейзаж, или ощущение, словно бы уже знакомые.

А. Фадеев.

И это новое, возникшее представление так реально, что в первую минуту принимаешь его за нечто виденное или пережитое лично. И только потом соображаешь, что воспоминание это пришло не из запаса собственных наблюдений, а из той прочитанной и поставленной на полку книги.

Этим свойством — незаметно, но прочно укладываться в сознании читателя и как-то сливаться с его собственным жизненным опытом — обладает только что вышедшая четвертая книга романа А. Фадеева «Последний из удэге»[1].

Не то, чтобы она была безукоризненной. Ее тяжеловесность, кое-где чрезмерная, ее преувеличенная негладкость, разбросанность ее действия иногда нарушают цельность впечатления. К счастью, эти преувеличения не затрагивают главного смысла книги, который выражен сильно и хорошо, и в итоге роман Фадеева достигает основной и заветнейшей цели: он завоевывает сердце.

Разбираясь в причинах этого, приходишь к заключению, что сильнейшие стороны фадеевского романа заключаются вот в чем: 1) в жизненном и вместе поэтическом изображении мужественных и цельных характеров Петра Суркова, Сени Кудрявого, Алеши Маленького и некоторых других коммунистов; 2) в жизненном и поэтическом изображении того, как умно и правильно подпольный комитет большевиков руководит и забастовкой рабочих на рудниках и действиями партизан в восставших селах, соединяя то и другое в один мощный революционный поток; 3) в том, что книга эта не «книжная» и в ней слышен не шелест бумаги, а шум жизни, нестройный и величественный; 4) в том, что стиль романа находится в согласии с его существом, и это доставляет читателю истинное художественное удовлетворение.

Четвертая книга «Последнего из удэге» — только отрывок большого и еще не дописанного романа. Однако отрывок этот имеет самостоятельный интерес благодаря ясности образов и законченности главных эпизодов.

Самый большой из них — эпизод забастовки в угольных копях. Шахты заняты белогвардейцами и интервентами. Углекопы бросили работу. Но часть их не успела подняться на-гора и бастует под землей. Картина подземной стачки, страданий и мужества людей, охваченных мощным и трогательным чувством солидарности, принадлежит к лучшим страницам романа.

В обширном романе Фадеева есть детали, которые кажутся лежащими как бы в стороне от сюжета. Но детали эти — по чувствам, которые они вызывают в читателе, — подтверждают и усиливают главный смысл романа. Иногда это бывает молниеносная и точная характеристика человека. Иногда — маленькая сценка, вроде, например, суда над корейским партизаном, случайно застрелившим русского крестьянского мальчика. На зеленом лужке собрались крестьяне и партизаны. Сам подсудимый потребовал, чтобы его расстреляли. В настроении толпы происходит перелом, и народ прощает нечаянного убийцу. Смена противоположных душевных движений изображена с большой силой и сердечностью. В маленьком эпизоде как бы распахивается душа русского народа, могучая и жалостливая.

Это соединение мощи и трогательности больше всего удается Фадееву. Именно поэтому у него так хорошо выходят характеры цельные, мужественные, как например Петр Сурков — главная удача романа.

Все в этом образе пленяет и кажется естественным: неуклюжесть Суркова, его храбрость, живое, мальчишеское выражение лица, его физическая сила, чистота его мыслей и горячность чувств.

Лучшие качества характера Суркова мы видим и угадываем в передовых людях нашей страны. Вот почему Петр Сурков ощущается как герой нашего времени, как положительный тип современности, которым не только естественно любоваться, но и которому хочется подражать.

Не все образы в книге таковы. Корейская революционерка Цой, слишком красноречивая, слишком чувствительная, оставляет читателя холодным.

Чувствительность и красноречие, выражения вроде: «Что-то не осознанное ими самими разделяло их» — затемняют некоторые места книги, делают их неясными.

Впрочем, таких мест немного, и книга Фадеева остается в памяти как собрание могучих характеров и величественных пейзажей. Надолго запоминаешь ущелья, поросшие синим багульником, ночные бои с интервентами, пушечное эхо в горах и сильных, бесстрашных, своеобразных людей.

Остается в памяти и стиль книги, ритм ее речи, ее тяжесть, энергия и то, что составляет главную ее привлекательность, — неуклонное стремление к точности, которое для стиля есть то же самое, что для человека стремление к правде.

Л. СЛАВИН

[1] А. Фадеев «Последний из удэге». Книга IV. «Роман-газета». Гослитиздат. 1940.

ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОГО

Среди бумаг покойного народного артиста СССР К. С. Станиславского недавно обнаружена целая коллекция горьковских писем. Они переданы в государственный архив А. М. Горького. Большинство писем написаны в годы первых постановок пьес Горького в МХАТ. Алексей Максимович дает подробную характеристику своим персонажам, помогает артистам ярче воплотить революционную сущность пьес. Так, в одном из ранних писем к Станиславскому Горький указывает на то, что машинист Нил в пьесе «Мещане» — прежде всего рабочий, активно и деятельно относящийся к жизни. По выражению писателя, Нил сильно любит жизнь и не может относиться к ней пассивно, равнодушно, так как стремится ее перестроить.

Около 25 горьковских писем поступило в архив от писателя Сергеева-Ценского. Его переписка с Алексеем Максимовичем продолжалась более 10 лет.

Интересны письма Горького к писателям, выросшим в советские годы. Письма к Всеволоду Иванову содержат ценные литературные советы и поздравления адресату с успехом его пьесы «Бронепоезд 1469» на сцене Московского Художественного театра. В письме к Дмитрию Фурманову Горький подробно характеризует «Чапаева» и «Мятеж», указывает на воспитательное значение этих произведений. Новые горьковские письма поступили от А. Фадеева, М. Козакова, Д. Хаита, А. Чачикова.

А. ШУМСКИЙ

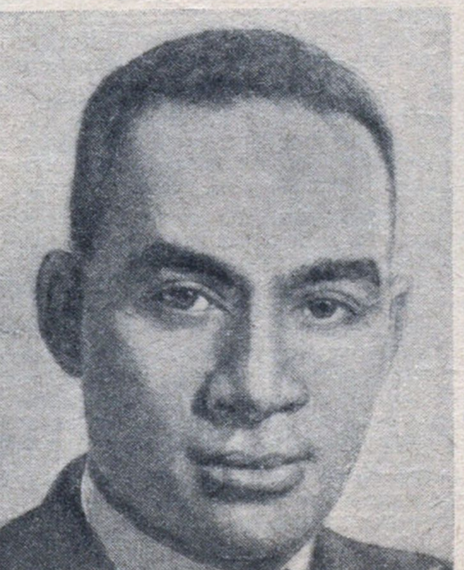
«СЫН АМЕРИКИ»

«Сын Америки» — первый роман Ричарда Райта, американского писателя, негра, члена компартии США. Предыдущая его книга — сборник новелл «Дети дяди Тома» — показывала внешнюю сторону «негритянского вопроса» в Америке: бесправие и беззащитность негра перед лицом всей системы угнетения и эксплоатации.

Обвинение, предъявленное Райтом американской капиталистической цивилизации в «Сыне Америки», сложнее. Книга эта рассказывает о том, как условия окружающей действительности калечат сознание негров, вследствие чего у некоторых из них протест против бесправия и гнета вырождается в уголовщину.

Постоянная угроза зверской расправы («суд Линча»!) по ложному обвинению (чаще всего в «насилии над белой женщиной») поддерживает то состояние страха, ненависти и стыда за свой страх, в котором пребывает двадцатилетний Биггер Томас — главное действующее лицо романа Райта. Социальный смысл национального угнетения, жертвой которого он является, Биггер не понимает. Его враги — это все белые, мир белых, отнявший у негра место под солнцем. Таково состояние Биггера, когда он получает должность шофера в доме миллионера-филантропа Дальтона.

В первую же ночь пребывания Биггера у Дальтонов происходит несчастье. Биггер, по воле случая оставшийся наедине с дочерью хозяев Мэри, убивает

Ричард Райт.

девушку — нечаянно, из страха перед тем, что его могут заподозрить в насилии над белой женщиной. Вместе с ужасом Биггера охватывает и чувство свободы. Ему кажется, что он, негр, нарушивший самый грозный закон белых, тем самым освободился и от той рабской зависимости, которая его связывала с миром белых, что он стал свободен, что он по ту сторону их закона.

Весть о том, что негр убил белую женщину, разносится по Чикаго. Город неистовствует. В «черном поясе» начинаются негритянские погромы. Биггера травят как зверя, загоняют на обледенелую крышу. Сбитый оттуда струей из брандспойта, он попадает в руки озверелых преследователей.

Однако и в Америке находятся люди, для которых судьба Биггера небезразлична. Для адвоката-коммуниста Макса Биггер — не злодей, а невежественный, запутавшийся мальчик, в делах которого повинна капиталистическая Америка, воспитавшая его для преступления.

Книга Райта о заблудшем, погибшем «сыне народа» написана с необычайной силой и беспощадностью.

«Сын Америки» печатается в №№ 1 и 2 журнала «Интернациональная литература».

Е. КНИПОВИЧ

Искусство

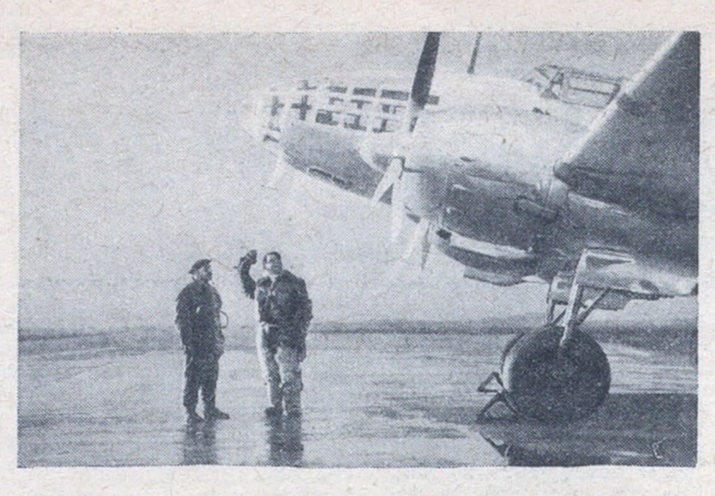
ОБРАЗ ЧКАЛОВА

Художественный фильм — не биографическая справка, актер — не имитатор. В конце концов не так уж важно с фотографической точностью воспроизвести на экране внешность героя, его походку, голос. Важно показать его таким, каким он сохранился в сердце народа, в его памяти.

С этими мыслями артист Московского Художественного театра имени Горького В. В. Белокуров приступил к работе над образом Валерия Чкалова в фильме, который выпускает киностудия «Ленфильм» (сценарий Г. Байдукова, Д. Тарасова и Б. Чирскова, режиссер — М. Калатозов).

В кабине самолета. Чкалов — артист В. Белокуров, Беляков — артист С. Яров, Байдуков — артист П. Березов.

Перед полетом. Чкалов и бортмеханик Пал Палыч (заслуженные артисты РСФСР В. Белокуров и В. Ванин).

Рассказывая о творческом процессе «вживания» в образ, Белокуров признается, что до последнего времени предпочитал земные средства передвижения и никогда не поднимался на самолете... Но как можно было сыграть роль летчика, не породнившись с просторами «пятого океана»?

И Белокуров после очередной съемки на аэродроме, в гриме и костюме своего героя направился в воздух. Пилот заставил актера пережить все ощущения, которые испытывает летчик во время головокружительной петли, стремительного пике, неожиданных «бочек»...

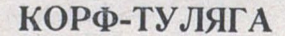
— Я понял тогда,— говорит Белокуров,— что вот это можно любить так, как любил Чкалов. Я по-новому воспринял рассказ Ольги Эразмовны о том, как Чкалов, услышав рокот мотора, всегда выходил из комнаты на балкон и долго провожал самолет глазами...

Артисту много помогли кадры кинохроники, запечатлевшие живого Чкалова. В кадрах, показывающих возвращение Валерия Павловича на родину после легендарного перелета Москва—Соединенные штаты Америки, Белокуров обратил внимание на непосредственность Чкалова. Во время триумфального въезда в красную столицу Чкалов стоял в машине и, подняв руки, как бы хотел всех обнять, всех пригласить на торжество советских летчиков.

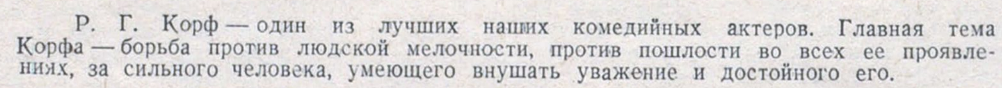
Эту чудесную чкаловскую непосредственность актер стремился особенно глубоко передать в центральных эпизодах фильма, когда Чкалов беседует с И. В. Сталиным, говорит и думает о нем.

Образ, созданный актером,— на экране. Впереди — оценка зрителя, которого перспектива встречи с любимым героем увлекает и радует.

И. РУСАНОВ

КОРФ-ТУЛЯГА

Р. Г. Корф — один из лучших наших комедийных актеров. Главная тема Корфа — борьба против людской мелочности, против пошлости во всех ее проявлениях, за сильного человека, умеющего внушать уважение и достойного его.

«Все понять — значит простить» — гласит французская поговорка. Игра Корфа убедительно эту поговорку опровергает. Кажется, все понял артист в своем герое, проник в самую глубину его души, живет и волнуется его переживаниями. Но чем более оттеняет артист слабые стороны своего героя, тем острее разоблачает его пороки.

С новой силой это свойство таланта Корфа проявилось в его исполнении роли профессора Туляги в поставленной Московским театром сатиры комедии К. Крапивы «Кто смеется последний».

Туляга — слабохарактерный человек. Трусость парализует его волю. Ею пользуется враг. Трусость эта достойна обличения.

Мелкие, робкие шажки, наполненные непреодолимым страхом, широко раскрытые, бегающие глаза, ищущие сочувствия и не находящие его... Таким появляется Туляга на сцене, испуганно и доверчиво делясь «ужасным событием»:

— Меня только что так напугали, что до сих пор не могу в себя придти...

И роль уже предельно ясна. Так, во всяком случае, кажется... Но в каждой последующей сцене артист прибавляет еще какую-нибудь краску, деталь, и образ, подлинно художественный образ, начинает сверкать новой, не замеченной прежде гранью.

Вот сцена с Зиночкой Зелкиной. Директор научного института Горлохватский — жулик, приспособленец, морально нечистоплотный человек — уединился в своем служебном кабинете с секретаршей Зиночкой. Приходит его жена. Горлохватский заставляет подвернувшегося здесь Тулягу занять его место в кабинете, а сам скрывается.

Корф проводит эту водевильную сцену с исключительным мастерством. Растерянный, нерешительный стоит он посреди кабинета. Он ничего не понимает. Трусость совершенно затуманила его мозг, ослепила его. Мысль отказывается работать. Безотчетный, животный страх поглотил все чувства. Бессмысленно, жалко озираясь по сторонам, выполняет он все, что приказывает ему директор.

Прозрение Туляги, его духовное возрождение Корф показывает скупо, но тем более убедительно. В его первой фразе, произнесенной с достоинством: «Прошу вас забыть о моем существовании»,— слышится горечь от осознанного унижения. Но вот у Туляги появляется одна новая черточка характера, и она лучше всего другого свидетельствует о том, что в нем пробудилась живая мысль, освобождающая его от ярма трусости. Эта черточка — утраченное было чувство юмора. В сцене чтения Горлохватским безграмотно написанного «научного» доклада, который специально написал для него Туляга, у последнего почти нет слов. Но Корф не перестает жить на сцене. Лукаво поглядывает он то на посрамленного директора, то на обыкновенную свиную косточку, которую тот выдает за ископаемую, то на секретаря парткома, единственного человека, которому все известно.

Каждая сцена Корфа-Туляги достойна того, чтобы о ней рассказывать. Но... Корф продемонстрировал подлинно прекрасное искусство, а «прекрасное не выносит описаний»,— сказал Флобер. Тем более, длительных...

Вл. БЛОК

Сцена из пьесы К. Крапивы «Кто смеется последний». Слева направо: Горлохватский — заслуженный артист РСФСР Кара-Дмитриев, Туляга — заслуженный артист РСФСР Р. Корф, Зина — артистка В. Токарская. Вверху: Корф-Туляга, рисунок худ. Ю. Шорина.

Солистка Радиокомитета Н. Рождественская просматривает фонограмму своего выступления в опере «Дон Жуан».

Фото С. Шингарева.

15 ЛЕТ У МИКРОФОНА

Необыкновенно приятный тембр голоса (лирическое сопрано), безупречная музыкальность, простота и проникновенность исполнения отличают творчество солистки Всесоюзного радиокомитета Натальи Петровны Рождественской.

За 15 лет своей работы у микрофона артистка выступила в 35 оперных партиях, спела свыше 2 тысяч песен и романсов. В ее репертуаре произведения почти всех советских композиторов.

В конкурсе на лучшее исполнение произведений советских композиторов Н. Рождественская заняла первое место.

В настоящее время Н. П. Рождественская работает над программой произведений русских и советских композиторов на слова стихотворений Лермонтова.

Искусство

«СИЛЬНЕЕ ЛЮБВИ»

Моя новая опера «Сильнее любви» посвящена деятельности Серго Орджоникидзе на Кавказе в годы гражданской войны. Над этой оперой я работаю сейчас по заданию Большого театра Союза ССР. Либретто написано драматургом Г. Мдивани.

Темой оперы является только один из эпизодов большой жизни Серго.

Северный Кавказ. Девятнадцатый год.

В прошлом царские чиновники и церковь искусно раздували вражду между народами Кавказа и казаками. Для молодого ингуша Муртаза, спустившегося впервые с гор в казачью станицу и пленившегося красотой молодой казачки Галины, не было разницы между казачьей и горской кровью. Однако иначе думали люди, враждебные новым веяниям.

Молодой Муртаз не разбирался в политической обстановке. Враги советской власти решили использовать его чувство для своих гнусных целей. Ему обещали руку Галины с условием, что он убьет большевистского комиссара. Муртаз, ослепленный своей любовью, дал страшную клятву.

Вано Мурадели.

В бурную, грозовую ночь пробрался Муртаз в горы, чтобы выполнить свою клятву. Но теплое, дружелюбное отношение комиссара обезоружило молодого горца. Он не может совершить убийства. Доверие, проявленное комиссаром (сняв оружие, он засыпает у костра в присутствии своего разоблаченного врага), совершенно подавило Муртаза. В его сознании совершается перелом.

И когда в торжественный день объединения горских народов на митинге во Владикавказе раздается предательский выстрел террориста, Муртаз грудью заслоняет комиссара. Ценой своей жизни он спасает посланца партии Ленина—Сталина.

Призывными словами комиссара заканчивается опера:

«Нет силы, которая могла бы сокрушить волю большевиков. Мы будем драться так, как никогда, потому что знаем, за что и почему деремся.

Горцы — ингуши, казаки, лезгины, осетины — на коней!»

Трудна и ответственна задача воплотить в оперном спектакле светлый образ борца за коммунизм. Но тем больше сил и энергии хочется отдать этой цели.

В опере будет много хоров, дуэтов, арий. Значительное место отводится танцам — казачьим пляскам, темпераментной лезгинке.

Композитор Вано МУРАДЕЛИ

«Никитка — первый русский летун».

Картина А. Дейнеки.

ПЕРЕКЛИЧКА С ПРОШЛЫМ

Наше время любви к авиации, к людям с конструкторской смекалкой, с чкаловской смелостью и упорством дало художникам необычную тематику для картин с парящими в воздухе планерами, живописным фейерверком парашютистов и др.

Наша молодежь, летая на планерах, прыгая с парашютами, заставила меня вспомнить о первом русском летуне Никитке.

Современность выдвинула Никитку как образ русской смекалки, удальства, воли.

В живописи прошлого мало картин, говорящих о смелых делах простого люда.

Народные сказки говорят о ковре-самолете, старые летописи глухо упоминают о безыменных смельчаках-холопах, которые мастерили крылья, желая парить над землей.

Удивительно равнодушие художников прошлого к замечательной, по существу, судьбе Никитки: о нем ни одной картины не написано!

Я изобразил Никитку во время лёта, в момент мускульного напряжения, в момент, так сказать, пафоса лёта.

Картина построилась по вертикали, с большим пространством неба.

Я вытянул колокольню за верхнюю раму. Чтобы дать самую высокую точку в городе того времени, я установил колокольню на высоком берегу реки.

Летящий Никитка сделан первым планом. Этот перенос переднего плана на верх картины дает динамику, известное зрительное беспокойство всей картине.

Это же дало возможность следящий внизу люд повернуть лицом к зрителю. Я стремился показать все разнообразие чувств людей, видящих такое необычное для того времени явление: злобу и страх одних, неприязнь других, сочувствие и восторг третьих.

Зимний пейзаж с уходящими вдаль лесами за рекой, простота цвета и ясность живописных планов должны помочь тому, чтобы картина была хорошо видна на далеком расстоянии.

За последнее время мною написаны две исторические картины: «Запорожцы и поляки» и «Никитка — первый русский летун». Отталкиваясь от них, мне хочется снова писать про дела сегодняшних дней, полные героизма.

А. ДЕЙНЕКА.

ИСКУССТВО КИТАЯ

Выставка «Искусство Китая» в Государственном музее восточных культур пополнилась новыми экспонатами — произведениями живописи и графики. Много картин и рисунков посвящено борьбе китайского народа за независимость своей родины. Привлекают внимание картины Лян Ю-мина. Образы бойцов китайской армии, женщин, детей запечатлены художником лаконично и строго, с подлинным мастерством.

Помещаем снимки с трех картин Лян Ю-мина.

← «Тревога».

«Дежурные на аэродроме» (слева) и «Старый партизан».

Струнный ансамбль московского ремесленного училища № 55. Справа — ученица Нина Бибеева.
Фото Л. Петрова

МОДИСТКА ИЗ КРАСНОЯРСКА

(Перенос со стр. 6)

Неприятельский отряд, заблудившийся, должно быть, и наполовину разбитый, как выяснилось потом, сбил наше сторожевое охранение и вошел в деревню.

В первую минуту было трудно понять, где свои, где чужие. Люди, пригибаясь под выстрелами, бежали в разные стороны. Одни были в шинелях, другие — в полушубках, третьи — в одних рубахах и телогрейках. В руках у них были и винтовки, и вилы, и охотничьи ружья. А один парень, без шапки и без полушубка, в калошах на босую ногу, бежал куда-то с оглоблей в руках и кричал что-то жалобное и сердитое. Похоже было, что он плачет и сквозь слезы грозит.

У пожарного сарая он вдруг упал и свернулся клубком. Может, убили его, а может быть, только ранили. Оглобля лежала впереди него на дороге в снегу. И люди на бегу запинались за нее и ругались, не обращая внимания на притихшего парня. Люди бежали вперед и назад.

Ночь светлела. Луна снова вышла из-за облаков.

В самом центре деревни, у большого бревенчатого амбара, заработал неприятельский пулемет. И пулеметные очереди сразу навели порядок, определили и место и действие и разделили людей на своих и чужих.

Пулемет был только у белых. Они вначале сгрудились около него. Потом рассыпались в цепь, пошли в наступление. Но у овина их остановил разрыв гранаты. Первый разрыв, второй, третий...

На крыше пожарного сарая стоял Ванюшка Ляйтишев и бросал гранаты в темную массу солдат, перебегавших широкую улицу.

— Ловите, дарю! — кричал он с крыши.

И голос у него был такой озорной и веселый, будто он показывал свой очередной комический номер или играл с мальчишками в чехарду.

Впрочем, он и был еще мальчишкой. Лет ему было семнадцать, не больше. Дядя, кряхтя и ругаясь, залез к нему на крышу и заворчал сердито:

— Чего ревешь-то, полоумный. Слава богу, не на свадьбе. Убьют вот тебя, дурака, ни за что. Ты гляди, куда кидаешь. Пулемет-то где...

И действительно: белые успели все-таки перенести пулемет вперед — между овином и пожарным сараем. Он работал уже за каменным поповским домом.

Ванюшка спрыгнул с крыши и побежал, пригнувшись, по глубокому, еще не истоптанному снегу. Дорогу ему перебежала какая-то фигура. Ванюшка замахнулся было гранатой. Но в то же мгновение узнал Сёмку Галкина.

— Я их сам сейчас! — крикнул Сёмка Галкин.

В обеих руках у него блеснули гранаты.

— Я их сам! — закричал он еще раз.

И в голосе у него зазвучали мальчишеская обида и зависть.

Минуты через три раздались один за другим четыре взрыва, и пулемет замолчал, подавившись.

А минут через десять он заработал снова, но уже на стороне красных. Авдей Петрович Икринцев, старый пулеметчик, бывший бомбардир японской войны, пристроился к нему, любовно обтер его полой своей шубенки и заправил свежую ленту. Старик Захарычев прилег с винтовкой тут же. Все уже были на своих местах. И настроение у всех было веселое, огневое.

А драка, по сути дела, только начиналась. Белые выставили два новых пулемета.

Снег в овраге почернел и как будто стал медленно таять, хотя до весны еще было очень далеко. Был декабрь. Но Ванюшка скинул для быстроты полушубок и побежал обходным путем ко второму пулемету.

— Простынешь! — крикнул ему вслед Авдей Петрович.

За Ванюшкой, стараясь обогнать его, бежал также без полушубка Сёмка Галкин. По дороге он сбросил валенки, забыв, должно быть, о судороге правой ноги. Но догнать Ванюшку он так и не смог.

Он увидел его только перед утром, когда бой затих и белые отступили. Ванюшку внесли в избу на носилках. У него был прострелен живот. Старик Захарычев и Авдей Петрович перевязывали его широкими белыми бинтами. Он тихонько стонал и морщился.

Но Сёмка Галкин смотрел на него недоверчиво. И всем казалось, что Ванюшка Ляйтишев все еще шутит, все еще показывает свой очередной номер, только на этот раз не смешной, а страшный.

Наконец, Ванюшку перевязали, уложили на топчане. Хозяйка подсунула ему под голову свою подушку, и он, еще раз поморщившись, закрыл глаза. Потом снова открыл их, посмотрел на Сёмку Галкина и сказал:

— Шаль я ночью приносил. Модистку показывал. Это я у попадьи шаль попросил. Отдайте в случае чего. А то она подумает...

И опять закрыл глаза.

Авдей Петрович подошел к племяннику, встал у его изголовья и как бы закрыл его своей спиной от посторонних глаз.

— Услужить тебе хочу, кабанчик: может, хочешь чего?

— Пить мне, дядя, — торопливо сказал Ванюшка. — Скоренчка дайте попить.

— Сырой-то, пожалуй, нельзя, — несмело сказал дядя.

— Можно, — шопотом, как по секрету, сказал племянник. — Помираю я.

Дядя принес ему в ковшике холодной воды. Ванюшка выпил ее всю, не отрываясь, вздрогнул, вздохнул с удовольствием всей грудью и через полминуты умер, не сказав больше ни слова.

А отряд шел дальше.

Бойцы шли веселые, несмотря на усталость. И всю дорогу смеялись. Смеялись даже те, кто не знал Ванюшку Ляйтишева. Им рассказывали про него.

Только ванюшкин дядя, Авдей Петрович Икринцев, чуть поотстав, шел угрюмый, печальный, постаревший намного.

Старик Захарычев, шедший впереди и смеявшийся со всеми, тоже чуть поотстал и пошел рядом с Авдеем Петровичем. Они долго шли молча. Потом Захарычев сказал:

— А ведь, правда, какой бедовый парень! Чистый артист!

— Артист, — печально согласился Авдей Петрович.

И вдруг оживился, как-то даже сердито оживился:

— А что ж ты думаешь! Я еще про него про маленького говорил: «Это будет артист!»

Дядя, на минуту забыв печаль, продолжал гордиться племянником. А впереди все еще хохотали бойцы, вспоминая, как Ванюшка Ляйтишев одурачил всех и особенно Сёмку Галкина. Перед глазами бойцов Ванюшка Ляйтишев стоял живой, веселый, озорной. Они видели его в роли модистки из Красноярска, в роли генерала Хрубилова. Видели, как он бросал гранаты с пожарного сарая.

И никто, даже дядя, не вспоминал вслух о его смерти. Будто смерти этой вовсе и не было. Будто просто Ванюшку Ляйтишева оставили погостить в таежной деревне, которая называется Журиловка.

Она лежит, эта Журиловка, у самого края Витимской тайги, на берегу широкой буйной речки. И кажется, Ванюшка Ляйтишев задержался там ненадолго по каким-то делам и, может быть, скоро вернется.

За рубежом

ЦЕРКОВНИКИ И ВОЙНА. Английские монахини в противогазах направляются на пункт ПВХО. На своего бога они, видимо, мало надеются!

ХЕРСТ РАСПРОДАЕТ СВОИ КОЛЛЕКЦИИ

Американский газетный король Рандольф Херст заключил контракт на продажу с аукциона большей части своих художественных коллекций. Аукцион состоится в Нью-Йорке. Предназначенная для продажи коллекция оценивается в 40—50 миллионов долларов. Она занимает все помещения одного из огромных складов и включает 15 тысяч предметов.

В коллекцию входит полная обстановка испанского замка XII века, оцененная всего в 50 тысяч долларов, хотя Херст в свое время заплатил за нее полмиллиона. Здесь находятся также панели и изразцы, составляющие облицовку 70 комнат французских, английских и голландских домов и замков; в свое время они были доставлены в Америку в специальной упаковке. Кроме того продаются ювелирная и керамическая коллекции, а также оружие и одежда различных эпох. Одним из самых драгоценных предметов является старинный агатовый кубок, оцениваемый в 20 тысяч долларов.

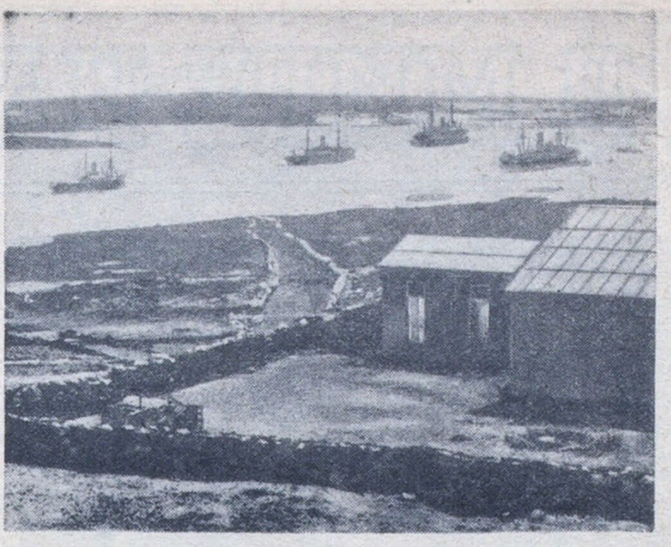
МОДЫ И ВОЙНА

Недавно в буржуазной печати распространилось чрезвычайно тревожное известие: отныне Париж перестает быть мировым центром мод. При этом одни утверждали, что эта роль перешла к Нью-Йорку («Нью-Иорк таймс» выпустила даже по этому случаю специальное модное приложение), другие,— что она переходит к Вене. Однако крупные модные фирмы Парижа не желают отказываться от своих привилегий и барышей. Покуда есть на свете буржуазия, решили они, парижские портные будут законодателями мод. И они пустили по миру опровержение.

Некий влиятельный эксперт по модным делам заявил парижскому корреспонденту «Юнайтед пресс»: «Парижские модели всегда будут законом для всего мира, как они были до сих пор. Если в Париже сохранится и дальше нынешнее положение, то Париж может быть превзойден в смысле количества, в отношении же качества — никогда! Не может быть и речи о том, что парижская мода вымрет».

За спасение парижской моды от гибели рьяно взялся председатель парижского синдиката мод Люсьен Лелонг, который будто бы даже вел по этому поводу переговоры в Берлине. Как бы то ни было, опрос, произведенный среди модных фирм, показал, что они в состоянии удовлетворить «нынешний, сильно ограниченный спрос»; заменять высококачественный товар суррогатами понадобится, по их словам, не раньше как через год. Правда, открывающаяся сейчас выставка весенних мод будет по сравнению с прошлым скромной, но все же каждая фирма выставит по 75 моделей весенних туалетов. На летней выставке будет фигурировать от каждой фирмы по 25 моделей.

Как видим, буржуазным дамам неплохо живется в оккупированном Париже.

Британская база на острове Перим (в Баб-Эль-Мандебском проливе), охраняющая пути в Египет.

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

(Перенос со стр. 13).

В этой борьбе участвовали бы не только флоты, но и крупные сухопутные и воздушные силы. Правда, в конкретных условиях тихоокеанского театра состояние военно-морских флотов является в известной степени выражением мощи каждой державы в целом.

В этом смысле Япония находится в благоприятном положении, так как весь ее флот сконцентрирован в западной части Тихого океана и может быть двинут на юг. Британский флот прикован в Северному и Средиземному морям и к северовосточной Атлантике. Военно-морской флот США сейчас сконцентрирован на Тихом океане и играет здесь роль первостепенного фактора.

Исключительное значение приобретают британские владения на Тихом океане и в особенности имеющиеся там военно-морские и воздушные базы. Как известно, США имеют на Тихом океане одну крупную базу на Гавайских островах и другую, меньшую по значению, — на Филиппинских островах. Гавайские острова очень удалены от района, где сейчас развертываются главные события. Филиппинские острова недостаточно оборудованы, чтобы здесь мог базироваться крупный флот. Поэтому, в случае если бы американский флот получил приказ направиться в угрожаемый район, то он должен был бы идти в Сингапур. Этим объясняются переговоры между США и Великобританией об использовании Сингапура американским флотом. Помимо Сингапура американский флот мог бы также использовать голландские базы в Индонезии. Британские базы в Австралии могли бы служить тыловыми базами для американского флота, а Филиппинские острова — в качестве передовой маневренной базы для операций на фланге японских сил в Индо-Китае и для связи с Гонконгом.

Каковы морские силы сторон (мы имеем в виду корабли 1-го класса, которые находятся в строю и могут быть немедленно введены в бой)? Диаграммы, которые читатель найдет выше, дают представление о соотношении флотов Японии и США. Как показывают эти диаграммы, военно-морской флот США сильнее японского флота. Всего в американском флоте сейчас 369 боевых кораблей (основных классов) общим водоизмещением в 1455 тысяч тонн. В японском флоте 291 боевой корабль общим водоизмещением в 1130 тысяч тонн. Качество кораблей в общем одинаковое, хотя возможно, что в японском флоте оно несколько выше чем в американском. Подготовка личного состава, повидимому, в обоих флотах стоит на высоком уровне. Впрочем, об этом трудно судить, так как ни японский флот, ни американский по-настоящему не участвовали в серьезной войне с сильным противником.

Японское командование должно рассчитывать в случае борьбы с США и Великобританией только на свои собственные силы. Если даже Таи и стал бы союзником Японии, то это не увеличило бы морские силы последней, так как Таи почти не имеет флота. Что касается США, то они могли бы рассчитывать на значительные британские морские силы (не меньше 2—3 новейших линейных кораблей, 2—3 авианосцев, 10—15 крейсеров) и флот Индонезии (4 новых легких крейсера, 10 новых больших эсминцев, 20 подводных лодок). Если верны сведения о том, что в этом году Япония завершит морскую программу 1936 года, то тогда количество линейных кораблей в японском флоте достигло бы 14, причем 4 из них представляли бы сильнейшие в мире корабли водоизмещением в 45—50 тысяч тонн, вооруженные артиллерией 16-дюймового (а по некоторым сведениям даже 18-дюймового) калибра. Для американского флота также строятся 2 таких корабля, но они вступят в строй не раньше чем в 1943—1944 годах.

Внимательное рассмотрение печатаемой карты дает возможность представить себе, как идет стратегическое развертывание на Тихом океане. Японская линия развертывания тянется от Японских островов к Шанхаю, Формозе, Хайнаню, Индо-Китаю. Важнейшие звенья на этой линии — Шанхай, Хайнань. Исключительное значение имеет Индо-Китай. В случае войны японский флот рассчитывает также на Бангкок как базу для операций в Сиамском заливе. Таким образом Япония уже продвинулась к югу на расстояние 3370 километров от своих баз на островах.

Иначе происходит стратегическое развертывание США. До недавнего времени их главная линия обороны находилась впереди баз на Гавайских и Алеутских островах. Отсюда американский флот мог бы предпринимать операции в глубь океана на расстояние до 2500 километров. Воздушные силы, базирующиеся на острова Мидуэй, Уэйк, Гуам, Филиппины, могут достигнуть Японских островов и подвергнуть их серьезной бомбардировке. На Тихий океан перебрасываются новейшие американские бомбардировщики, поднимающие от 9 до 20 тонн бомб и имеющие радиус действия до 10 тысяч километров (так называемые «летающие крепости»). Таким образом авиация значительно приблизила вооруженные силы США к Японии.

Тем не менее в настоящее время ни северный, ни центральный узлы в системе обороны США на Тихом океане не могут все же играть главную роль. Они имели бы крупное значение для блокады Японии и широких операций на коммуникациях.

Значительно большее значение поэтому приобретает югозападный вариант развертывания американских сил на Тихом океане. Сведения, проникшие до сих пор в иностранную печать об англо-американских переговорах по поводу использования Сингапура и баз в Австралии, позволяют нам сделать тот вывод, что стратегическая линия развертывания морских сил США на Тихом океане смещается на югозапад (Сан-Франциско — Австралия, Панамский канал — Окленд — Сидней) в обход передовых многочисленных японских баз на Марианских, Маршальских, Каролинских островах и т. д. Правда, это удлиняет американские коммуникации, но зато они переносятся в более безопасный район.

Из Австралии американская линия развертывания идет на северозапад, к Сингапуру, и оттуда на север, в Южно-Китайское море. Империалистические противоречия преодолели кажущийся барьер — тихоокеанские расстояния. Логика борьбы толкает участвующие в ней державы навстречу друг другу. Противники сходятся, точно на дуэли, чтобы скрестить оружие.

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

СВЕТОВАЯ СИГНАЛИЗАЦИЯ

Чтобы избежать перехватывания неприятелем приказов, передаваемых по радио с флагманского самолета остальным самолетам эскадрильи, в некоторых английских авиочастях введена световая сигнализация. На снимке: английский летчик передает с борта флагмана-самолета американской марки «Локхид Гудзон» приказ по эскадрилье с помощью специальной сигнальной лампы. Снимок был сделан в то время, когда эскадрилья летела вдоль берегов Дании.

ТРОС ДЛЯ ВЕРХОЛАЗОВ

В США недавно разработана новая конструкция предохранительного троса для рабочих, работающих на строительстве высоких зданий. Один конец троса крепится к лямкам, надетым на рабочего, а другой пропускается через блок и прикрепляется к надежному крюку. Наиболее интересной особенностью этого троса является автоматический фрикционный тормоз.

Длинный трос (не стесняющий движений рабочего) без быстродействующего тормоза или амортизатора может стать очень опасным.

Автоматический фрикционный тормоз при падении мгновенно амортизирует (гасит) колебание троса. Рабочий после падения висит почти неподвижно на тросе, что дает возможность поднять его при помощи блока.

ЗАПАСНОЙ МОТОР

Как в течение нескольких секунд заменить сломавшийся мотор авиомодели другим, запасным мотором?

Ньюйоркский авиомоделист М. Бичмэн упростил эту задачу: он просто отвинчивает нижнюю часть фюзеляжа модели, в которой помещается вся винтомоторная установка маленького самолета, и заменяет ее другой.

МОСТ В 35 КИЛОМЕТРОВ

Между Данией и Швецией заключен договор о постройке после войны гигантского моста в 35 километров через пролив Эрезунд. Этот мост соединит столицу Дании Копенгаген с шведским городом Мальме и будет самым длинным мостом в мире.

Под мостом смогут проходить крупнейшие океанские корабли.

ФОТОЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗАТОР

Московский инженер В. М. Михайлов (Академия коммунального хозяйства) сконструировал аппарат — фотоэлектрический анализатор — для проверки качества воды. При помощи этого аппарата можно полностью выявить инородные примеси в воде (бактерии, минеральные и органические вещества).

Аппарат предназначается также для контроля очистки сточных вод, спускаемых в реки, что устраняет опасность заражения во время купания и предохраняет рыбу от отравления.

В химической промышленности новый аппарат сможет заменить рабочих на опасных участках производства. Сейчас, например, для увеличения поступления газа и жидкостей рабочий должен попеременно открывать и закрывать задвижки и клапаны. При малейшей его ошибке возможны авария и взрыв. Все это сможет регулировать автоматический анализатор, приведя в действие задвижки и другие исполнительные органы машины.

ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА

БОЛЕЗНИ И ЛЕЧЕНИЕ ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ

При большом скоплении разных зверей и птиц в одном месте возможно появление всякого рода заболеваний. Замечено, что некоторые стадные животные: олени, дикие козы и другие — убивают заболевших собратьев. Истребление заболевшего, очевидно, является у животных одним из способов предохранения стада от распространения заразных болезней.

При содержании зверей и птиц в неволе в случае заболевания необходимо вмешательство человека.

Прежде в Московском зоопарке заболевшего зверя осматривали издали и по его поведению ставили диагноз. Происходило много ошибок, применялось неправильное лечение, многие животные гибли. Теперь применяется совершенно другой метод осмотра. Заболевшего зверя или птицу тщательно выслушивают опытные врачи-специалисты. Для животных оборудован специальный рентгеновский кабинет. Точно поставленный диагноз дает возможность применить правильное лечение и провести ряд профилактических мер.

Одной из самых распространенных болезней среди зверей и птиц является туберкулез. Подвержены туберкулезу все представители животного царства: обезьяны, слоны, бегемоты, фазаны и другие. Снизить заболеваемость зверей туберкулезом удалось некоторыми профилактическими мерами. Весь персонал, обслуживающий обезьян, ежегодно проходит через рентген для установления, не болен ли человек туберкулезом.

Чтобы предохранить обезьян и других зверей от инфекции, пришлось в клетках вставить стекла, отделяющие посетителя от животного. Этими простыми мерами удалось снизить смертность обезьян. Прежде за год погибало до 10—15 обезьян, а теперь за два года — только 4. Значительно снизилась заболеваемость воспалением легких.

Костным туберкулезом заболевают даже вараны (семейство крупных ящериц). Один варан в зоопарке болеет костным туберкулезом уже 6 лет.

Бронхиальной астмой страдают белые медведи и пингвины. Однажды у пингвина появились судороги. При исследовании оказалось, что у него бронхиальная астма. Ему дали несколько капель адреналина, и через 15 минут приступы прекратились.

Пневмония у зверей проходит так же, как и у человека. Осенью 1940 года заболел барс. У него появился кашель, одышка и высокая температура. Те же признаки болезни были замечены и у черной пантеры. Врачи выслушали их и установили пневмонию. Противопневмококковая сыворотка быстро ликвидировала заболевание.

Недавно у жирафа был обнаружен ревматизм с поражением сердца. Соответствующие дозы пирамидона оказали свое действие, и животное скоро поправилось.

У обезьян были зарегистрированы родовые судорожные припадки—эклампсия.

Артериосклероз у попугаев протекает в такой же форме, как у человека. У других животных болезни сосудистой системы очень редки.

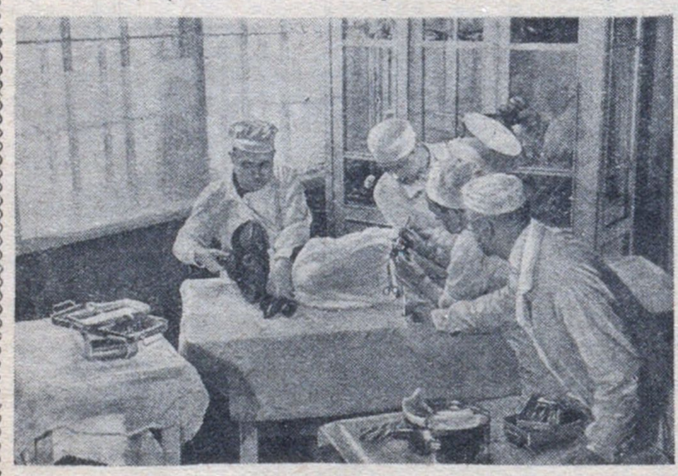
С наступлением весны у многих зверей появляется дизентерия. Чтобы не допустить эту болезнь, животным дают сухую вакцину Безредько.

Перечисленные болезни и многие другие протекают у животных так же, как и у человека, поэтому лечение применяется одинаковое и дает положительные результаты.

Л. ШТРАНДТ

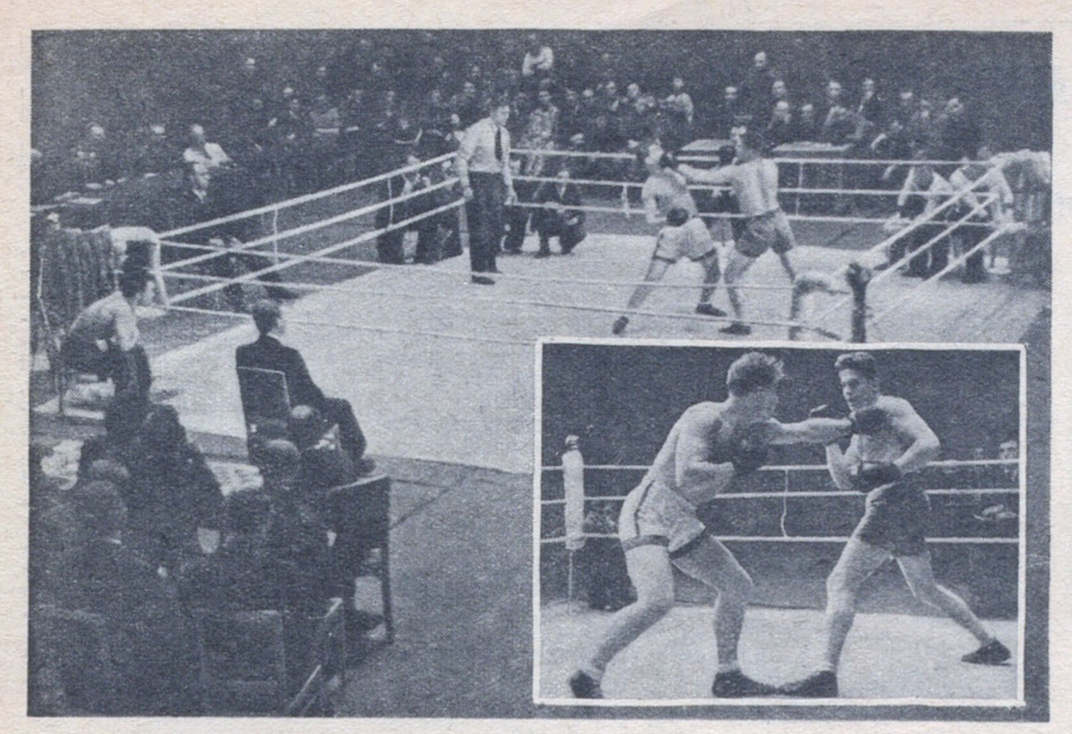

Облучение пингвинов.

Тур на операционном столе.

Спорт

На ринге во время матча между боксерами Красной Армии и «Динамо». На фото справа: Линнамяги наносит удар левой Степанову.

Фото Л. Бордукова и И. Фигурова

МАТЧ БОКСА

Товарищеский матч между боксерами Красной Армии и орденоносного спортивного общества «Динамо», проведенный в Москве в дни празднования XXIII годовщины Красной Армии, любители спорта справедливо называют одним из крупнейших событий сезона. В каждой из команд выступали боксеры, которые имеют все основания претендовать на почетное звание чемпионов страны в своих весовых категориях. Интерес к матчу повысился еще и потому, что за команду «Динамо» боксировали многократные чемпионы Прибалтики — Раадик, Линнамяги, Книсис, Канепи, Кяби.

Бой каждой пары боксеров состоял из шести двухминутных раундов. Из восьми проведенных боев спортсмены Красной Армии уверенно выиграли шесть, и только в двух победу одержали динамовцы. С большим интересом ожидалась встреча чемпиона Европы Антона Раадика с четырехкратным чемпионом СССР красноармейцем Иваном Ганыкиным. В ноябре прошлого года при их первой встрече победа была присуждена Ганыкину, так как у Раадика оказалась рассеченной бровь и он не смог продолжать бой. Но и вторая встреча Раадика с Ганыкиным осталась незаконченной. В третьем раунде они столкнулись головами: у Ганыкина разбита бровь, и Раадик назван победителем. Понятно, с каким интересом ждет спортивный мир третьей встречи этих двух боксеров.

Команда боксеров Красной Армии, выигравшая матч у «Динамо», выступала в таком составе: Овчинников, Чернобровкин, Осипов, Егоров, Штейн, Ганыкин, Шашкин и Степанов (см. фото).

ДЖЕДЖЕЛАВА И ПАЙЧАДЗЕ

— Браво, Пайчадзе!.. Браво!..

— Вперед, Джеджелава!..

Такие возгласы нередко несутся с переполненных трибун в часы напряженного футбольного матча.

Оба они играют в сильной и популярной команде тбилисского «Динамо», выступающей неизменно грозным претендентом на первенство.

В спортивных кругах говорят, что быть два раза вторым — это почти все равно, что быть чемпионом. Тбилисская команда не выиграла еще ни разу первенства. Но любой лидер, завоевывая звание чемпиона или «Кубок СССР», спрашивает:

— Сможем ли мы устоять против тбилисского «Динамо»?

Настолько сильно выступает всегда эта команда высокого класса, не отходящая два последние года дальше второго места.

Достижениям тбилисских футболистов содействует быстрое, хорошо сыгранное, стремительное нападение команды, где наиболее яркими и сильными игроками являются центр нападения Пайчадзе и правый край Джеджелава, награжденные надних орденами «Знак почета».

Пайчадзе—блестящий мастер дриблинга, исключительно энергичный игрок, сбивающий противника быстрой, решительной и напористой игрой; он инициатор многих острых положений у ворот противника. Пайчадзе — результативный игрок, забивший, например, в 1939 году 19 мячей в ворота противника. Его превзошел только Федотов. Пайчадзе—26 лет. Он начал играть с малых лет в городе Поти. Восемнадцатилетним юношей выступал за сборную команду города. В течение пяти лет он в тбилисского «Динамо» играет четыре года.

Джеджелава—точный, расчетливый и смелый игрок, очень быстр, опасен и оригинален в игре. Ему 27 лет. Он секретарь комсомольского комитета в команде тбилисского «Динамо», где играет три года.

В конце каждого года составляются списки сильнейших спортсменов Советского Союза. Сейчас в спортивных кругах упоминают так называемый «список 55». В него обычно входят 5 сильнейших вратарей, 10 лучших защитников и т. д. Имя Джеджелавы по проекту всесоюзной секции футбола поставлено под № 1 на месте правого края, имя Пайчадзе — под № 2 на месте центра нападения.

БЛОКНОТ СПОРТСМЕНА

Семь мотоциклистов московского «Спартака» совершили необычный зимний пробег. Наполнив баки пяти машин бензином и двух — керосином, они взяли старт, проехали по шоссе до Ленинграда, оттуда в Виипури и возвратились обратно.

Семерка успешно прошла 1800 километров. Она получила ценный опыт работы мотоциклов на керосине.

Машины были доставлены для осмотра в техническую комиссию. Одну из них, «ИЖ-8», вела весь путь первоклассная гонщица Лидия Ефремова, окончившая только год назад 2-й медицинский институт.

Молодой хирург выполнял в пробеге две роли: водителя и врача. Заканчивая высшее образование, Ефремова одновременно постигла мастерство мотоциклетного спорта. Студенткой последних курсов она после четырехлетнего перерыва вновь появилась на спортивной арене...

...В третий раз Ефремова избирала себе новую спортивную специальность. Сначала она была рекордсменкой по плаванию. В возрасте от 17 до 22 лет она одерживала многочисленные победы в заплывах кролем и на боку. Ее восемь рекордов не были биты до появления известной в СССР ленинградской спортсменки, ныне заслуженного мастера спорта Алешиной.

Потом гребля. Ефремова выходит на старт. Она бережно несет узкую и длинную лодку, напоминающую торпеду. Экс-чемпионка по плаванию становится чемпионом гребли, выступая в составе сильнейшей женской восьмерки.

Уроки на мотоцикле начались одновременно с занятиями в анатомическом театре. Как-то раз после занятий в институте Ефремова явилась на стадион, включила мотор и неожиданно для самой себя оказалась... в сетке футбольных ворот. Вскоре, однако, неполадки с машиной были устранены. Опытная спортсменка, но молодая гонщица снова на старте. Она облечена в новую спортивную форму: шлем, синий комбинезон, перчатки с крагами и тяжелые гоночные ботинки.

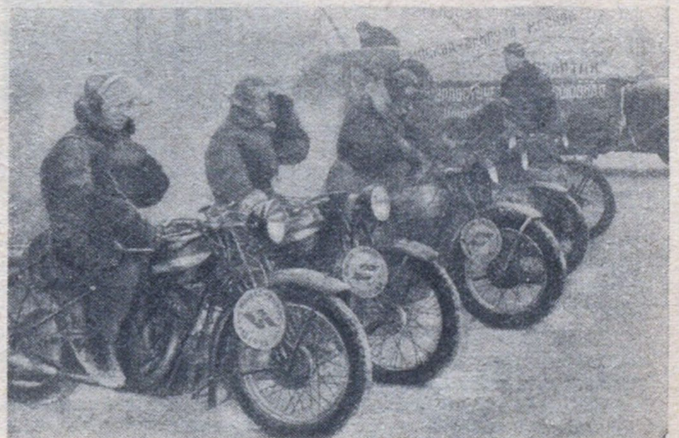
Нетерпимо палит солнце. Жара 37 градусов. Стартер дает отмашку. Путь интересен своими неожиданностями. Он идет в лес, ведет через овраги, проходит по полю, круто спускается вниз и, наконец, приводит в раскаленные тяжелые пески, где уже гонщики не едут, а влачат за собой мотоциклы. Трудный кросс! Участники выбиваются из сил. Многие не выдерживают соревнование. Финишируют четверо из 28. Среди них Ефремова.

Зимой московская спортсменка удачнее других проходит по занесенным снегом дорогам и бездорожью. Она завоевывает звание чемпионки Москвы по зимнему кроссу 1939 года. На следующий год, осенью, Ефремова—победительница в состязании по подъему на холм. Ей удалось раньше всех достигнуть вершины по крутому подъему.

В состоявшемся пробеге гонщица прекрасно справилась со своей задачей. Ее машина нередко приходила в города первой. На многих участках водительнице пришлось ехать без света.

Рассказывая о мотоцикле, универсальная спортсменка оттеняет увлекательные стороны этого вида спорта — соревнование скоростей и выносливости.

СПРИНТ

Группа мотоциклистов спортивного общества «Спартак» у финиша после пробега Москва — Виипури — Москва.

Фото Н. Кубеева (ТАСС)

СДЕЛАЙТЕ ЭТО САМИ

КАК САМОМУ ПЕРЕПЛЕСТИ КНИГУ

Каждый сам может переплести свою книгу, не имея специального переплетного оборудования и инструмента.

Из инструментов нужно иметь: острый нож (перочинный или столовый, но с острым концом); железную линейку (для обрезки); деревянную линейку с делениями; толстую иглу; ножницы; лист фанеры 30×50 сантиметров; щетинную кисть.

Расшивка книги

Книги состоят из отдельных тетрадей. Сняв с книги обложку, осторожно отделяйте тетрадь за тетрадью, не тяните силой, а обязательно перерезайте нитки, соединяющие тетради.

Когда всю книгу расшили, очистите тетради от клея. Очищайте или пальцами или тупым краем ножа. После очистки сложите тетради в порядке, по страницам.

Заготовьте два форзаца (рубашки)—так называются первые чистые листы переплетенной книги. Размер листа для одного форзаца: высота равна высоте книги плюс 2 сантиметра; длина равна двойной ширине книги плюс 7 сантиметров.

После этого зажмите расшитую книгу (вместе с форзацами) у корешка между двумя дощечками так, чтобы корешок выступал на 2 миллиметра, и сделайте ножом два выреза и два разреза поперек корешка.

Сшивание книги

Для сшивания книги сделайте простой станочек (рис. 1).

Положите расшитую книгу на доску станочка корешком вперед вровень с передним краем доски и натяните шпагат так, чтобы он проходил в вырезы книги. Шпагат должен быть натянут туго. Внизу шпагат укрепляется на гвоздиках, а вверху привязывается к перекладине.

Когда шпагат натянут, положите книгу за станок так, чтобы ее начало было внизу корешком от вас, таким образом, верхней первой тетрадью будет последняя тетрадь книги.

Возьмите тетрадь за корешок и положите ее на доску корешком к шпагату. Движение иголки с ниткой идет в таком порядке:

Левую руку закладывайте в середину тетради.

Пропускаете иголку в разрез 1-й.

Пропускаете иголку наружу в вырез 2-й, охватываете ниткой шпагат и пропускаете иголку обратно, в этот же вырез (2-й).

Пропускаете иголку в вырез 3-й и, охватив шпагат, пропускаете иголку в этот же вырез 3-й, обратно, внутрь.

Пропускаете иголку в разрез 4-й наружу (рис. 2).

Возьмите правой рукой конец нитки, выходящий из разреза 1-го, а левой рукой нитку от иголки и натяните нитку — тетрадь вплотную притянется к шпагату, и он (шпагат) войдет в вырезы.

Теперь возьмите вторую (а в книге предпоследнюю) тетрадь и положите ее на первую—на станочек. Проверьте порядок страниц.

Теперь движение иглы идет в **обратном** порядке.

Продеваете в разрез 4-й.

Выводите иглу наружу в вырез 3-й, охватываете шпагат и пропускаете обратно, повторяете в вырезе 2-м и пропускаете иглу наружу в разрез 1-й.

Свяжите нитку с концом, который оставлен в первой тетради.

В таком же порядке прошиваете последовательно все тетради. Когда прошьете последнюю тетрадь, она у вас ляжет наверху. Закрепите нитку узлом с предпоследней тетрадью и обрежьте (не рвите).

Отрежьте шпагат над книгой на расстоянии 5 сантиметров, снимите шпагат с гвоздиков и положите книгу на стол (подложите лист фанеры) и закрепите концы шпагата.

Расплетите все четыре конца.

Растрепите их: подложите жестяночку и тупым краем ножа растрепите до тех пор, пока концы превратятся в мягкие пушистые метелочки.

Смажьте концы клейстером и приклейте их к узким полоскам форзаца (рис. 3).

Проклейка корешка

После закрепления концов шпагата проклейте корешок. Это сделайте так: заложите книгу в две дощечки, в которых вы зажимали книгу, когда делали надрезы, и при помощи щетинной кисти (или старой зубной щетки) промажьте жидким столярным клеем весь корешок. Дайте просохнуть (1 час).

Обрезка книги производится острым ножом по железной линейке. Обрезайте постепенно, не захватывайте много листов, режьте легким нажимом, срезая 2—3 листа.

Когда книга обрезана, нужно отбить, закруглить корешок. Это делается так: слегка смочите корешок мокрой ватой. Положите книгу на стол и придавите ее левой рукой, а правой слегка постукивайте молотком вдоль края корешка, продвигая удары от края до края и обратно. Левой рукой слегка оттягивайте от корешка. Переверните книгу другой стороной и повторите отбивку.

После отбивки положите книгу под пресс, то есть положите на нее небольшую тяжесть.

Наклейка картона

Картон нужно заготовить размером на 1 сантиметр больше размера обрезанной книги.

Положите книгу на лист фанеры; подложите под узкую полоску форзаца какой-либо лист (газету) и намажьте всю полоску клейстером; наложите картон ровно с краем корешка книги; переверните книгу другой стороной; приклейте таким же способом другой картон; положите под пресс, дайте просохнуть (1—2 часа). Затем обрезается картон.

Для обрезки картона нужна специальная линейка с выступающим рубчиком. Ширина рубчика—½ сантиметра, высота—1 сантиметр. Линейка вкладывается между книгой и картоном. Край книги прижимается к внутреннему краю рубчика, а картон обрезается по внешнему краю.

Корешок

Материалом для корешка может быть самый различный, более или менее плотный материал: молюскин, бумазея, парусина, дерматин и т. п. Длина корешка должна быть на 2 сантиметра больше размера книги, ширина—на 6 сантиметров больше размера толщины книги.

Смажьте заготовку для корешка столярным клеем, положите ее перед собой на чистый лист; возьмите книгу и корешком поставьте ее на полоску так, чтобы концы полоски равномерно выступали с обоих концов; откройте левую картонку, правую картонку; загните концы полоски на картон под корешком книги (рис. 4); осторожно сложите книгу и прогладьте полоску, чтобы она пристала к папке плотнее и ровнее.

Оклейка бумагой

Для оклейки книги можно использовать обложку книги или мраморную и цветную бумагу. Обложку нужно обрезать только по одной стороне—по корешку.

Намажьте при помощи щетинной кисти бумагу крахмальным клейстером; положите книгу перед собой (корешком слева); наложите бумагу на книгу так, чтобы край бумаги отступал от корешка на 1 сантиметр, срежьте уголки; загните выступающие края внутрь и придавите рукой, чтобы они плотнее пристали к картону. Так же обработайте и другую картонку.

Приклейка форзаца

Положите книгу на стол к себе корешком, откройте картонку, смажьте крахмалом лист форзаца и приклейте его к картону. То же самое сделайте и на другой картонке.

Дайте книге несколько просохнуть, а затем положите ее под пресс для окончательной просушки.

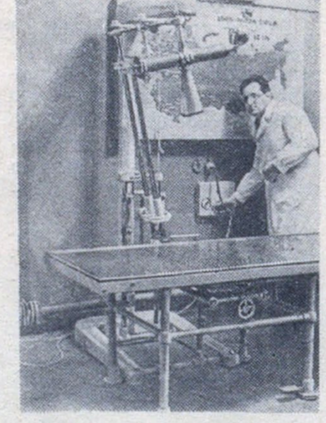
На этом работа заканчивается.

Г. М. ПАВЛОВ

НОВОСТИ МЕДИЦИНЫ

ТОМОГРАФ

Рентгеновские лучи, пронизывая исследуемый объект (грудную клетку и т. д.), дают изображения всех слоев органа. В зависимости от плотности отдельных органов изображения бывают разных степеней затемнения, например изображение костей светлее мышечных тканей, сердца, легких и т. п. Различать по снимку нюансы затемнения представляется затруднительным, так как изображения, наслаиваясь одно на другое, зачастую сливаются в общий силуэт.

Московский институт рентгенологии и радиологии имени В. М. Молотова закончил испытания нового рентгеновского аппарата — томографа, значительно улучшающего рентгеновскую диагностику.

Новый аппарат дает возможность получить изображения различных слоев с такой же ясностью, как если бы они были засняты в отдельности. При производстве снимка легких туберкулезного больного обычной рентгеновской трубкой некоторые изъязвленные места могли быть прикрыты ребрами — томограф полностью показывает эти язвы, он как бы продольно разрезает исследуемый объект и направляет свои лучи с новой позиции (в данном примере—за ребрами).

Применение этого аппарата открывает новые возможности для точной диагностики.

СУЛЬФАЗОЛ И ПЛАТИФИЛИН

Врачи клиники Научно-исследовательского химико-фармакологического института имени Орджоникидзе испытывают сейчас новый препарат—сульфазол.

Сульфазол, как и сульфидин,—могучее средство против пневмонии и менингита, а при лечении некоторых болезней превосходит своими качествами сульфидин. Через двадцать часов после его применения сульфазол убивает гонококки Нейсера, вызывающие гоноррею.

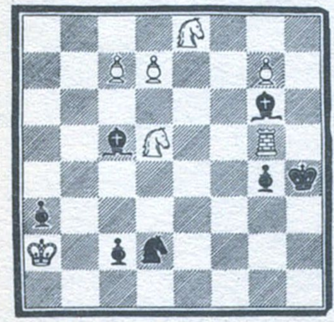
В районе Бакуриани (Грузия) найдено растение сенеция платифилус, из соков которого будет вырабатываться препарат, названный платифилином. Он предназначается для лечения спазм кровеносных сосудов. Платифилин дает такой же эффект, как и широко известный врачам атропин. Но платифилин не вызывает явлений, возникающих при приеме атропина: сухости во рту, головокружения, расширения зрачков.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. КОТОВА

Мы уже приводили примеры шахматных этюдов, в которых для выигрыша нужно превращать пешки не в ферзя, а в более слабые фигуры.

Интересен этюд ленинградского композитора В. А. Королькова на эту тему.

Белые начинают и выигрывают.

Белым угрожает мат в два хода после 1... c1 К + 2. Kpa1 Kdb3. Поэтому они должны принимать срочные меры.

Но бросающийся в глаза путь 1. Л : g4 + не приводит к цели.

После 1... Кр : g4 2. Ke3 + черные не берут коня, чтобы не разрушать матовую сеть белому королю, а играют 2... Kpg3! 3. К : c2 Cf7+4. Kpa1 Kb3+5. Kpb1 Kd2+6. Kpc1 Kb3+и ничья вечным шахом, так как белые не могут уйти королем ввиду 7. Kpd1 Ch5 + 8. Kpe1 Cf2 + 9. Kpf1 Kd2 мат.

И все же выигрыш есть:

1. Лg5d5—h5+! Kph4 : h5

Плохо 1... С : h5 2. d8Ф + Kpg3 3. Фd6 + С : d6 4. c8Ф и выигрывают.

Отход королем 1... Kpg3 также не помогает ввиду 2. Лh1 Cd3 3. Kb4 С : b4 4. c8Ф, и белые отдают ферзя в случае шаха, получая взамен новых ферзей на d8 или g8.

2. Kd5—f4 + Kph5—h6

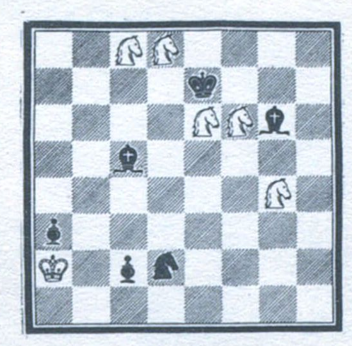
После 2... Kph4 3. d8Ф + Kpg3 4. Ke2 + и 5. Ф : d2 белые с успехом отбивают угрозы противника и достигают выигрыша.

Теперь начинается эффектный семиходовый маневр, создающий исключительную по оригинальности финальную позицию:

3. g7—g8K + Kph6—h7

Нетрудно убедиться, что нельзя играть 3... Kpg5 4. d8Ф + Кр : f4 5. Ф : d2 + Kpf3 6. c8Ф и белые легко выигрывают:

4. Kg8—f6 + Kph7—h6
5. Kf6 : g4 + Kph6—h7
6. Ke8—f6 + Kph7—g7
7. Kf4—e6 + Kpg7—f7
8. d7—d8K + Kpf7—e7
9. c7—c8K мат.

Заключительная позиция с пятью матующими конями полна фантазии и свежей мысли.

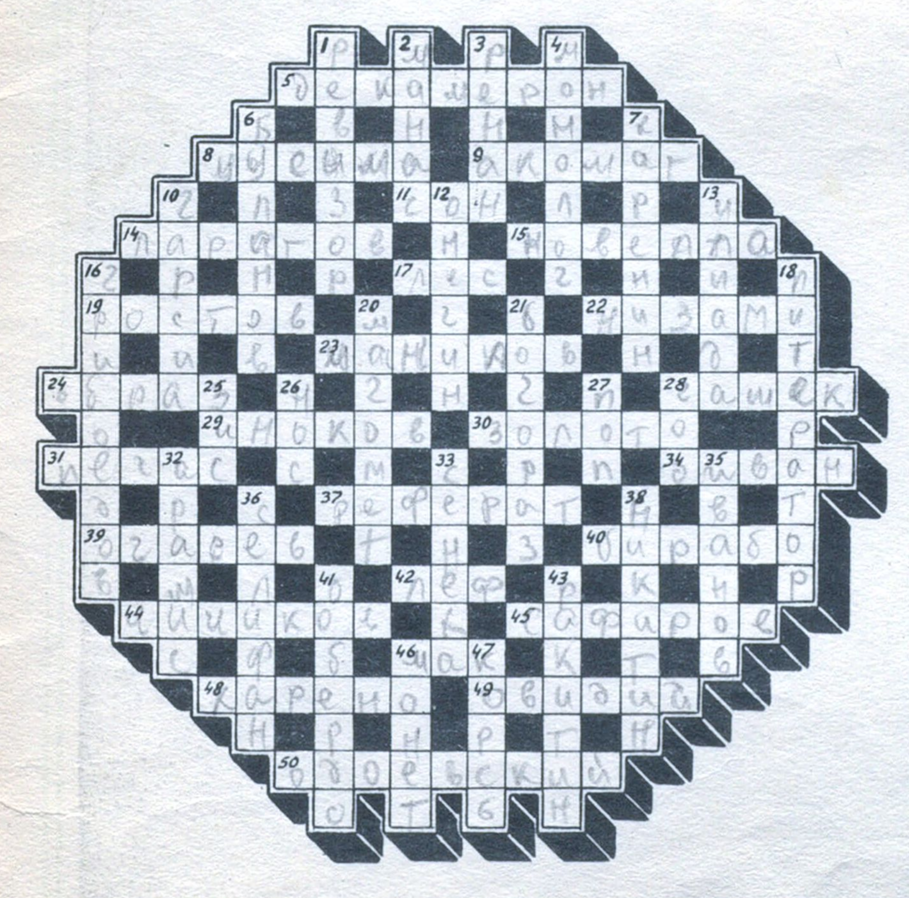
★

Прошедший, 12-й шахматный чемпионат СССР дал шесть первых победителей. Это гроссмейстеры Бондаревский, Лилиенталь, разделившие 1 и 2-е места; москвич Смыслов, гроссмейстер Керес, взявшие 3 и 4-е места, и разделившие 5 и 6-е места чемпион Украины Болеславский и гроссмейстер Ботвинник. Между ними решено разыграть матч-турнир. Каждый с каждым играет матч из 4 партий. Таким образом, всего в турнире будет сыграно 20 партий. Победитель соревнования получает впервые вводимое в СССР звание абсолютного чемпиона страны по шахматам.

Этот интересный турнир будет происходить в Москве в апреле.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» И. Вишневский

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Произведение Боккачио.
8. Роман Новикова-Прибоя.
9. Персонаж трагедии Расина «Баязет».
11. Произведение Уэльса.
14. Персонаж пьесы Островского «Бесприданница».
15. Вид литературного произведения.
17. Пьеса Островского.
19. Персонаж «Войны и мира» Л. Толстого.
22. Знаменитый азербайджанский поэт.
23. Персонаж «Мертвых душ» Гоголя.
24. Созданный художником или актером характер, тип.
28. Чешский писатель.
29. Персонаж «Клима Самгина» Горького.
30. Пьеса Немировича-Данченко.
31. Крылатый конь в древнегреческой мифологии.
34. Сборник стихотворений в восточном стиле.
37. Доклад.
39. Русский поэт и публицист 19-го века.
40. Французский драматург.
42. Литературный журнал, выходивший в СССР с 1923 по 1925 год.
44. Герой «Мертвых душ» Гоголя.
45. Персонаж романа Вирта.
46. Растение.
48. Герой произведения Гамсуна «У врат царства».
49. Римский поэт эпохи императора Августа.
50. Поэт-декабрист.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Знаменитая комедия Гоголя.
2. Киргизский героический народный эпос.
3. Известный французский философ и писатель 19-го века.
4. Речь, произносимая действующим лицом драмы и обращенная к самому себе или к зрителям.
6. Персонаж пьесы Островского «Лес».
7. Персонаж одного из романов Л. Толстого.
10. Современный американский писатель.
12. Герой поэмы Пушкина.
13. Величайшее поэтическое произведение древней Греции.
16. Знаменитый русский драматург 19-го века.
18. Человек, занимающийся литературным трудом.
20. Трагедия Вольтера.
21. Русский писатель и этнограф.
25. Марка автомобиля.
26. Произведение Гоголя.
27. Английский поэт эпохи Просвещения.
28. Единица летосчисления.
32. Один из троих героев романа Дюма «Три мушкетера».
33. Римский философ-стоик, воспитатель Нерона.
35. Пьеса Чехова.
36. Кучер Чичикова.
38. Русский поэт.
41. Роман Матэ Залки.
43. Персонаж комедии Тургенева «Месяц в деревне».
46. Форма вокального произведения, возникшая в 12-м веке.
47. Племя, живщее по Балтийскому побережью.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 7 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

2. Икс. 6. Новатор. 11. Набег. 13. Барак. 14. Рукав. 15. Додон. 17. Роден. 19. Сад. 21. Велосипед. 23. Фал. 24. Могол. 26. Век. 27. Мираж. 30. Норик. 32. Висок. 34. Атор. 36. Бокоход. 39. Зебу. 41. Окорок. 43. Завод. 44. Калина. 46. Шкап. 47. Железобетон. 48. Тара. 49. Арарат. 51. Радом. 52. Минута. 54. Озон. 55. Конотоп. 57. Лама. 58. Пирог. 60. Надир. 62. Канон. 63. «Мод». 65. Манеж. 67. Бук. 68. Македония. 71. Вол. 72. Залог. 73. Марка. 75. Табун. 76. Пекин. 78. Иссоп. 79. Маринад. 80. Апо.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Акар. 2. «Иванов». 3. Старик. 4. Чатам. 5. Мед. 7. Обол. 8. Окоп. 9. Кун. 10. Гараж. 12. Говор. 14. Редис. 16. Делиб. 18. Демид. 20. Донор. 22. Сероводород. 23. Факел. 26. Горожанин. 28. Розанилин. 29. Макаров. 31. Козерог. 32. Водемон. 33. Нунатак. 35. Топаз. 37. Казан. 38. Хобот. 40. Битум. 41. Ока. 42. Кет. 44. Ком. 45. Ара. 50. Ропак. 53. Нарев. 55. Копал. 56. Памир. 59. Роман. 61. Даяки. 62. Курай. 63. Мегера. 64. Домино. 66. Жолоб. 69. Копа. 70. «Нана». 72. Зуб. 74. «Ася». 77. Кипа.

Ответственный редактор ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».
Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тел. Д 3-31-69. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.
А 36808. 3 п. л. Зн в п. л. 105 000. Подписано к печати 10/III—41 г. Изд. № 245. Зак. № 814. Тираж 300 000.
Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 50 коп.

ЗА ЧИСТОЕ, КУЛЬТУРНОЕ ЖИЛИЩЕ

ЖИЛИЩЕ ИМЕЕТ ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, ТАК КАК В НЕМ ЧЕЛОВЕК ПРОВОДИТ ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ ЧАСТЬ СВОЕЙ ЖИЗНИ. ЖИЛИЩЕ ЗАЩИЩАЕТ ЕГО ОТ ХОЛОДА, ЖАРЫ, НЕПОГОДЫ, ЯВЛЯЕТСЯ МЕСТОМ ЕГО ОТДЫХА, СНА, РАЗЛИЧНЫХ ДОМАШНИХ ЗАНЯТИЙ. ЖИЛИЩЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ЗДОРОВЫМ И БЛАГОУСТРОЕННЫМ.

Нельзя допускать скопления в жилище пыли, так как она очень вредна для здоровья.

Паркетные полы рекомендуется ежедневно подметать щеткой, обернутой в чехол из бумазеи или другой мягкой ткани, хорошо вбирающей в себя пыль (см. фото № 1). После подметания пола чехол выбивается на открытом воздухе, а при загрязнении — моется. Паркетные полы не моются, а натираются мастикой (см. фото № 2).

Подметание дощатого или покрытого линолеумом пола следует производить только влажным способом, т. е. щеткой, обернутой влажной тряпкой. ПОДМЕТАНИЕ СУХИМ СПОСОБОМ НЕДОПУСТИМО, ТАК КАК С ПОЛА ПОДНИМАЕТСЯ В ВОЗДУХ ПЫЛЬ, А С НЕЙ И МИКРОБЫ.

Был проделан такой опыт. Часть комнаты убиралась влажным способом. Во время уборки на 5—10 минут открывали чашечку Петри с питательной желатиной. Затем в другом конце комнаты производили уборку сухим способом; во время сухой уборки открывалась вторая чашечка Петри. Обе чашечки были поставлены в термостат на 48 часов. Оказалось, что во второй чашечке (см. фото № 4) выросло значительно большее количество колоний микробов чем в первой (см. фото № 3).

Текущая уборка должна производиться не реже 1—2 раз в день. Общая основательная уборка делается не реже 1 раза в месяц: обметаются стены, отодвигается мебель и убирается обнаруженная при этом пыль, моются горячей водой с мылом двери и окна и т. д.

Места общего пользования нужно содержать в чистоте. Мусор нужно хранить в ведре с крышкой и регулярно выносить, не допуская переполнения ведра.

Кухня должна содержаться в чистоте. Полы на кухне надо мыть горячей мыльной водой (см. фото № 5). Столы нужно покрыть клеенкой, посуду держать вычищенной.

Истребление клопов производится различными способами. Хорошие результаты дает применение препаратов кавказской ромашки (жидкость „флицид" и порошок „пиретрум". См. фото № 6). Деревянные предметы, в щелях которых гнездятся клопы, ошпариваются кипятком или моются горячей мыльной водой в смеси с керосином и крезолом. Клопов уничтожают также паром при помощи клоповара.

СОДЕРЖИТЕ СВОЕ ЖИЛИЩЕ В ЧИСТОТЕ. ПОМОГАЙТЕ В БОРЬБЕ ЗА ЧИСТОТУ САНИТАРНЫМ КОМИССИЯМ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ САНИТАРНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НКЗдрава СССР